
АЛЕКСЕЙ БУЗУЛУКОВ
18+
ТОМ I
НА ГРАНИ
или ЭТО БЫЛО ДАВНО, НО КАК БУДТО ВЧЕРА

Алексей Бузулуков

На грани, или Это было давно, но как будто вчера. Том 1

«Издательские решения»

Бузулуков А.

На грани, или Это было давно, но как будто вчера. Том 1 /
А. Бузулуков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643033-4

В центре событий фронтовая судьба простого сельского парня. В 1943 году Анатолий Дружинин попадает на фронт, где по-настоящему закаляется его характер.Анатолий с друзьями сталкиваются со смертью, она становится основным фоном их жизни. Но для солдат — это не повод отчаиваться. Во фронтовых буднях бойцов находится место для шуток, песен, и, конечно, для любви.В сорок шестом году Дружинина комиссуют и отправят домой — там его ждет мирная жизнь. Но будет ли она счастливой?

ISBN 978-5-00-643033-4

© Бузулуков А.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Тяготы времени 7
Передовая 16
Отчаянная атака 33
На войне быстро взрослеют 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

На грани, или Это было давно, но как будто вчера
Том 1

Алексей Бузулуков

© Алексей Бузулуков, 2024

ISBN 978-5-0064-3033-4 (т. 1)
ISBN 978-5-0064-3034-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моим родителям
посвящается

От автора

Уважаемый читатель! Этот роман основан на рассказах моего отца – Николая Степановича Бузулукова, участника Великой Отечественной войны, воевавшего с ноября 1943 года в частях 1-го Украинского фронта. Чтобы подтвердить истории, услышанные когда-то от него, я в течение нескольких лет работал с документами в Центральном архиве Министерства обороны РФ.

Все события в романе максимально сопоставляются с реальными событиями, датами и географическими привязками к местности в тот период.

Материалом для сбора информации послужили не только архивные документы, но и другие официальные источники документально-исторической литературы. Это краткие военно-исторические очерки: «В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии»[1] и «Выстояли, победили!..»[2], а также многие документы и материалы из других ресурсов.

Основные герои, представленные в романе, – люди, принимавшие участие в боевых действиях и других эпизодах, имевших место в жизни моего отца и его друзей. Кроме историй, что происходили с действующими лицами, я частично описал хронологию боевого пути некоторых частей стрелковых дивизий и соединений, входящих в состав 1-го Украинского фронта.

В романе, как в любом литературном произведении, присутствуют вымышленные персонажи и происходят выдуманные события, поэтому фамилии героев, номера воинских частей мною умышленно изменены.

Прошел не один десяток лет после этой войны, на полях жестоких и кровопролитных боев которой остались лежать миллионы советских солдат; их не дождались невесты, матери, отцы и дети, они не смогли им рассказать о себе и не смогли рассказать о том, что им довелось пережить. Я хочу, чтобы мы помнили о них и передавали эту память будущим поколениям.

---

[1] *Секирин М. К., Щербаков А. М., Дорошенко В. М., Гордиенко А. К., Белкин И. М.* В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии. М.: Воениздат, 1973. 344 с.

[2] *Ромас П. М.* Выстояли, победили!.. – К.: Молодь, 1999. 223 с.

Тяготы времени

Сквозняк, тонкими струйками проникающий в тюремный барак, разбудил Дружинина. Пытаясь укрыться от холода, Анатолий стал натягивать на себя тонкое, изрядно потрепанное временем одеяло. Наступало зимнее утро. Так хотелось еще поспать до той минуты, когда прозвучит отвратительная команда «Подъем!», но сон уже улетучился, и мысли как стаи бесчисленных птиц стали кружить, дурманя свежее после сна сознание.

«Письмо! Я же вчера письмо из дома получил…» – вдруг вспомнил Анатолий и сунул руку под подушку, нащупывая конверт. Сестренки обычно писали по очереди. В письмах на жизнь они никогда не жаловались: старались его не расстраивать. Но он-то понимал, как тяжело им сейчас втроем, без него – без мужских рук. В этот раз письмо прислала старшая, Надежда. И Анатолий прошлым вечером, несколько раз перечитывая послание, старался отследить даже не сказанное ею между строк.

«Ничего, семьдесят два дня осталось… А там – свобода! И сюда… я уже больше ни ногой. Угораздило же меня, черт возьми! Целый год жизни – коту под хвост. Война в стране, голод, дома помощь моя как воздух нужна – матери, сестренкам, – а я здесь, в тюрьме. Вот бестолочь!.. – сожалел и корил себя Дружинин за ту нелепую и глупую историю, по которой был осужден и на целый год отправлен в тюремный лагерь. – Ладно, – тяжело вздохнул Анатолий и, поджав ноги плотнее, натянул на себя одеяло, – что теперь сожалеть о чем-то, дело уже сделано. В следующий раз умнее буду. Надя пишет, что работает вместе с Марусей Аржановой и теперь они стали подругами… Помню эту небольшого росточка девчушку – шустрая, такой палец в рот не клади. В жизни Маруся не пропадет. Вот интересно: а какой она будет женой?.. – задумался Анатолий, и на его лице проявилось подобие улыбки. – Может, мне жениться на ней, как освобожусь и когда мне восемнадцать лет исполнится? А что?! Девушка она хорошая, из семьи порядочной. Только вот на год старше меня. И пойдет ли она замуж за тюремщика?! Ну и заварил же я кашу… Хотя весь поселок знает, кто на самом деле виноват, а я так, заодно с Легкодимовым осужден: за то что рядом был. Как теперь Маруся к моей судимости отнесется? Да что Маруся – как ее родители на это дело посмотрят?! Вообще-то, меня после освобождения, скорее всего, в армию призовут. Война идет все-таки. Ладно, поживем – увидим, – поежившись от холода, тяжко вздохнул Анатолий. – Интересно, а что она сейчас делает? Вот бы хоть одним глазком посмотреть, чем они с Надеждой заняты». И Анатолий представил себе свой степной заснеженный край…

А работали девчата на заводе «Маслопром». Подруги доставляли молочную продукцию из колхозных отделений в центральный цех небольшого районного завода. На таких предприятиях трудились в основном женщины. Из-за всеобщей мобилизации мужчин забирали на фронт, а на освободившиеся рабочие места вставали их жены, матери, сестры, взваливая на свои хрупкие плечи всю тяжелую мужскую работу.

Суровая и снежная зима тысяча девятьсот сорок третьего года с сорокоградусными морозами была на втором месяце своей власти. Этим ранним февральским утром Мария со своей напарницей собрались в очередную плановую поездку за продукцией. Запрячь неторопливых быков им взялся помочь пожилой сторож. Мололкин не мог без сожаления смотреть на девчат, которые, с трудом справляясь с такой тяжелой работой, впрягали в ярмо непослушных животных. Неуклюжей, развалистой походкой он всегда подходил к ним и, ворча на быков, помогал. Вот и на этот раз Рувим Захарович не остался в стороне. Со словами «Ну-ка, Надькя, не мешайся, отойди, давай я сам» он отодвинул в сторону Надежду и принялся уверенными движениями управлять животными, запрягая их в широкие сани.

– А ну, давай, лохматый… Давай пошевеливайся, чаво стоишь?! – покрикивал Рувим Захарович, подгоняя белого в черных пятнах быка. – Манькя! Подержи-ка оглоблю! – распо-

ряжался Рувим Захарович, взяв на себя обязанности главного в этом нелегком деле. Вроде бы человек уже и в годах, и не такой подвижный, но в упряжи Мололкин был великим мастером, да и быки как-то слушались и понимали его команды.

– Рувим Захарович, чтоб заноза вставилась, надо быка чуть-чуть назад отогнать, – решила подсказать Надежда, наблюдая за работой старика.

– Не учи безногого хромать, сам вижу, – строго, но без злобы ответил Мололкин и, хлопнув быка по загривку, заставил его сделать шаг назад. – Ну вот так-то дело лучше будет!.. Верши, батькя, – сена вся! – весело добавил он, загоняя в щель занозу. – Быки в упряжке, тяперяча можно и ехать. Манькя!.. На-ка вот, держи налыгач, – по-хозяйски распорядился сторож, кидая Марии поводья.

Девушки поблагодарили старика за помощь, загрузили в сани пустую тару и задолго до восхода солнца тронулись в путь. От выдыхаемого на морозе пара бахромой инея покрылись их старенькие платки и шерсть на мохнатых головах рогатых быков. Слезились глаза, образовавшийся на ресницах ледок склеивал веки. На вдохе студеный воздух обжигал носоглотку, затруднял дыхание.

Надежда была на три года моложе Марии; глядя на эту хрупкую пятнадцатилетнюю девчонку, Маруся ее искренне жалела. Еще в юном возрасте да при такой погоде бедняжке приходится выполнять далеко не детскую работу. Впрочем, о какой-то другой, менее тяжелой работе, мечтать даже и не приходилось. А кому сейчас легко?

Степная гладь, покрытая ровным снежным ковром, сохраняла полную тишину, в которой были отчетливо слышны гудки пыхтящих на железнодорожной станции паровозов да звонкий скрип снега под копытами быков и полозьями деревянных саней, уныло ползущих по ночной степи. Постепенно гул со станции и одинокие огни Джаныбека стали удаляться, а небо нехотя прояснялось с востока от приходящего на смену ночи утреннего рассвета. Пронизывающий до мозга костей ветерок, от которого в голой степи невозможно было чем-либо укрыться, обжигал обнаженные щеки и нос. Усиливающийся перед восходом солнца и без того невыносимый мороз проникал даже под накинутые поверх одежды старенькие кожухи. Для того чтобы как-то согреться, невольно возникало желание идти пешком.

– Ну что, Маруся… Я, наверное, немного пешком пройдусь, а то что-то зябко стало, – сказала Надежда, на ходу спрыгивая с саней.

– Я тоже озябла. На таком транспорте пока доедешь, сто раз замерзнешь, – возмущенно сказала Маруся, потирая жесткой шерстяной рукавицей замерзающие щеки и нос. – Доживем ли мы до того времени, когда на лошадях ездить будем, или нет?! – негодовала она, нехотя скидывая с себя старый, истрепанный временем тулуп. Сойдя с ползущих саней, Мария бочком, легкой припрыжкой стала передвигаться по накатанному снежному насту.

– Всех лошадей сейчас на фронт забирают, они там нужнее. Я давеча через сводку Совинформбюро слышала, что дела на фронте уже лучше, чем в сорок первом или сорок втором. Наши-то разбили немцев под Сталинградом, – размахивая руками и поддерживая начатый разговор, продолжила Надя.

– Да! Я тоже слышала. Дала Красная армия прикурить этой фашистской нечисти. Только и наших солдатиков, наверное, полегло немало…

– Когда уже этих фашистов с нашей земли выгонят?

– Ничего, выгонят…

– Ведь полтора года, как война идет, а столько людей уже погибло! А сколько покалечено?.. Мама говорит: раненых солдат постоянно в наш госпиталь с фронта привозят. Видела, военные эшелоны день и ночь по железной дороге едут?

– Других составов, кроме цистерн и военных с техникой, сейчас мало передвигается. Но, думаю, еще немного, и наши этого Гитлера-гада все равно одолеют. Ты видела на карте, какая Германия?

– Да…

– А какой наш Советский Союз?! Нет… наша страна все равно и больше, и армия наша сильнее. Нас победить никому не возможно, как бы тяжело ни было советским солдатикам на фронте. От Москвы и Сталинграда этих гадов отбросили, значит, и дальше на запад погоним.

– А вот от нашего Матвея как началась война, так до сих пор ни одного письма и не было.

– Я Мотьку вашего помню… Его ведь еще до войны в армию призвали? Так?

– Да, в тридцать девятом. Служить он начал в Ленинградской области, а потом его в Эстонию отправили. Мотька нам фотографию в письме присылал, на ней он в военной форме и в буденовке – такой взрослый стал. Как я по братику соскучилась! Что с ним случилось и где он сейчас? – с грустью в глазах вздохнула Надежда. – Мама несколько раз в военкомат ходила, но ей там только извещение и дали, что он пропал без вести, вот и все… А я все равно не верю!

– Главное, чтобы жив и здоров был, а то, что писем нет, так это почта сейчас так работает, сама знаешь… – стараясь поддержать подругу, высказалась Маруся. – Под бомбежку поезд с почтовым вагоном попал – вот и ждите, родные, весточки от солдата. Помнишь, как наш Джаныбек прошлой осенью бомбили?

– Помню…

– Так мы за сколько километров от Сталинграда находимся! Километров двести? А как бомбил фашист! Аж вспоминать страшно!

– Да… досталось тогда и поселку, и железной дороге.

– Ну вот. А теперь представь, что там, на фронте, творится. Так там небось всем достается, не только почтальонам.

Девчата на минуту замолкли, очевидно, вспоминая события прошлой осени.

* * *

Мало кто знает, что в то тяжелое время в глубоком тылу, в бескрайних степях, богом забытые маленькие железнодорожные станции попали в прифронтовую зону, которая подвергалась массированным бомбардировкам самолетами люфтваффе. Жертвами налетов вражеской авиации оказались станции и разъезды железнодорожного направления Саратов – Астрахань. Часть доставки резервных частей и техники в Сталинград шла именно по этой железнодорожной ветке, отсюда и такое пристальное внимание противника к ней.

В двухстах тридцати километрах перед Астраханью находилась узловая станция Верхний Баскунчак; от этого железнодорожного узла линия и уходила на Сталинград. Из-за приближения линии фронта к Волге вдоль всего железнодорожного направления Саратов – Астрахань располагались разнообразные склады, зенитные батареи, аэродромы, госпитали и прочие службы прифронтовой зоны.

Немаловажное стратегическое значение было и в том, что по этой ветке на Саратовский нефтеперерабатывающий завод перевозились запасы бакинской нефти, поставлявшейся в Астрахань по Каспийскому морю и железной дороге Кизляр – Астрахань, построенной в срочном порядке. Естественно, нагрузка на перевозки по сравнению с довоенным временем возросла в разы. Невыносимые трудности тяжким бременем легли на плечи тружеников железной дороги и местного населения, принимавшего самое активное участие в борьбе с гитлеровскими захватчиками в прифронтовом тылу.

Массированному налету немецкой авиации Джаныбек впервые подвергся в начале октября сорок второго года. День ото дня фашистские бомбардировщики свирепствовали, сбрасывая на небольшой районный центр свой смертоносный груз.

От бесчисленных бомбардировок врага этой осенью пострадали несколько жизненно важных объектов: старая, построенная еще до революции мельница, элеватор, цистерны с топ-

ливом, жилые дома и находящаяся на железнодорожной станции водонапорная башня. К счастью, после стяжки кирпичных стен металлическими поясами она как памятник и свидетель тех трагических дней стоит до сих пор.

Жертвой авианалетов оказалась и железная дорога. Во многих местах были повреждены железнодорожное полотно и несколько переходных узлов, что повлекло за собой задержку отправки воинских эшелонов. В свою очередь железнодорожники обратились к местным властям с просьбой оказать им содействие в скорейшем восстановлении поврежденных путей. Кто знал, что трагедия постигнет не только рабочих с железной дороги, но и местных жителей, откликнувшихся на призыв выйти на субботник? Приближение вражеской авиации наблюдатели обнаружили слишком поздно; врасплох застигнутые мирные жители оказались хорошей мишенью для немецких летчиков. В бреющем полете фашистские пилоты безнаказанно расстреливали из бортовых орудий разбегающихся в ужасе людей. Многие из них отчаянно пытались скрыться от смертельной опасности в специально построенных укрытиях. К великому сожалению, жертв избежать не удалось. В этот трагический день погибло около сорока мирных жителей поселка.

Но ни частые бомбардировочные удары, ни гибель близких не смогли сломить веру людей в победу. Как никогда осознавая свой долг перед Родиной, население сплотилось – дисциплина была на первом месте. За считанные дни военными и местными властями были приняты все необходимые меры: важнейшие учреждения и организации были эвакуированы на окраины поселка или в близлежащие колхозы. Для отвлечения внимания немецких летчиков от жизненно важных объектов в срочном порядке были построены ложные цели. Бесперебойная работа железной дороги тоже требовала ухищрений: выставлялись посты наблюдателей за воздушной обстановкой, прокладывались обходные пути и дополнительные разъезды, усиливалась противовоздушная оборона по всей линии железнодорожного маршрута. Возникла необходимость увеличить количество самолетов истребительной авиации, а также запустить зенитные бронепоезда. Экстренно были протянуты новые телефонные и телеграфные линии.

Постановления Военного совета фронта труженикам железной дороги приходилось выполнять под разрывы немецких бомб и фугасов. Рискуя собственной жизнью, простые люди научились достойно справляться с трудностями, проявляя при этом незаурядную смекалку и изобретательность. Чтобы ввести в заблуждение врага, приходилось идти и на разные хитрости. Местные жители не раз удивлялись, наблюдая такую картину: цистерны с нефтью, шедшие из Астрахани и замаскированные под грузовые вагоны с лесом и прочими грузами, паровоз не тащил, а толкал, находясь в хвосте состава. А делалось это для того, чтобы скрыть нефтяные цистерны и создать видимость с воздуха, что грузовой состав идет не в Саратов, а в Астрахань. Таким образом вражеские разведчики, в первую очередь охотившиеся за нефтеналивными составами, становились жертвами обмана находчивых тружеников тыла.

Шестисоткилометровое расстояние, на которое протянулась железнодорожная ветка этого направления, с бесчисленными разъездами и небольшими станциями уберечь от внезапных налетов люфтваффе было делом нелегким, но комплекс всех мероприятий противодействия давал свои результаты. Вскоре трудности возникли как у авиаразведки, так и у бомбардировщиков неприятеля. Разведчикам приходилось улетать, а точнее, уносить крылья без точных данных, а «юнкерсам» и «хейнкелям» перейти с группового пикирования с малых высот на менее результативную большую высоту. Да и бомбардировки теперь велись не среди ясного дня, а в более безопасное для врага ночное время, что намного снижало точность поражения целей, или же враг уничтожал ложные объекты. А вот потери в рядах немецких пилотов стали увеличиваться с каждым вылетом на восток. Врага били и зенитчики, и летчики истребительной авиации, и отдельные зенитные бронепоезда.

Большую проблему в прифронтовой зоне могли создать многочисленные диверсанты, которых забрасывала в этот регион немецкая разведка. Они забрасывались сюда как для сбора

сведений о режиме подвижных составов, так и для подрыва мостов и самого железнодорожного полотна. С диверсантами и разного рода лазутчиками приходилось бороться не только контрразведке и нашим правоохранительным органам, но и местным жителям. Без помощи местного населения не могла пройти ни одна операция по обнаружению вражеских агентов или сбитых немецких летчиков.

Открытая местность степного региона была благоприятна для авиации противника: с высоты немецким наблюдателям не представляло особых трудностей за десятки километров невооруженным глазом вести наблюдение за всеми перемещениями подвижных составов. Но для разведчиков-одиночек и многочисленных диверсионных групп, которых с периодичной регулярностью забрасывала сюда немецкая разведка, абвер, открытое степное пространство создавало порой непреодолимое препятствие. Скрыться от глаз местных жителей и специально созданных подразделений в бескрайней степи порой не представлялось возможным. В малонаселенных районах посторонний человек был всегда на виду, потому деятельность диверсионных отрядов и разномастных немецких агентов была малоэффективной или вообще сводилась к нулю.

Вот только слухи о невероятных шпионах и диверсантах будоражили умы местных жителей долгие годы, даже через несколько десятилетий после окончания войны. Сочинялись различные бредовые небылицы, лазутчиками и резидентами в которых становились местные чудаки или вообще душевнобольные люди. Самой популярной была такая история.

Начальник железнодорожной станции (а какой именно, зависело от рассказчика) в те военные годы был агентом германской разведки. По слухам, именно он и сообщал все сведения по передвижению военных эшелонов в сталинградском направлении. Но разоблачить шпиона помог местный старик, решивший попросить главного по железнодорожной станции отправить свою больную жену поездом в больницу Саратова. Застать начальника на месте пожилому человеку не удалось, но кто-то из односельчан подсказал, что видел, как тот заходил в водонапорную башню, находящуюся недалеко от вокзала. Настойчивый пенсионер решил не ждать и сам направился на встречу с главным по станции. Ошеломленный увиденным зрелищем, старик не сразу смог прийти в себя, а не то чтобы понять, как нужно действовать в такой ситуации. Человек, занимавший ответственный пост, забравшись на самый верх кирпичного сооружения, наскоро отбивал точки и тире ключом радиостанции. Излишне было любопытствовать, с кем он выходил на связь. Видно, в спешке вражеский лазутчик забыл закрыть на запор входную дверь и совершенно не предполагал, что кто-то может его обнаружить. Оставшись незамеченным, пожилой человек не стал рисковать, выдавая, что стал невольным свидетелем шпионской акции. Следующий свой визит старик незамедлительно нанес в местное отделение милиции. Сразу после авианалета начальник был арестован, и в дальнейшем бомбардировки железнодорожных станций этого направления прекратились.

Конечно, это всего лишь очередная небылица, еще долгие годы передаваемая из уст в уста простыми людьми.

* * *

– Мы тоже думаем, что с почтой что-то не так, – после короткой паузы продолжила разговор Надя. – Уповая на Божью милость, каждый день мы нашу Марьяш с ее большой сумкой выглядываем – вдруг письмо от брата пришло? А писем все нет и нет, – с тоской в голосе тяжело вздохнула она.

Порой подруги сбивались с проторенного пути, проваливались по колено в снег. Помогая друг другу снова выбраться на твердую часть дороги, девушки старались беречь силы, столь необходимые для перетаскивания сорокалитровых бидонов и нелегкого пути обратно домой.

Так незаметно, за разговорами, девчата прошли семь-восемь километров по заснеженной степи. Немного подустав, но согревшись от ходьбы, они стали свидетелями того, как утреннее солнце медленно поднималось над горизонтом, освещая ровный снежный ковер бескрайней степи. Засверкавший от солнечных лучей серебряными искрами снег слепил глаза. Мороз стал спадать, и можно было снова сесть, чтобы хоть и медленно, но уже в санях продолжить свой путь, продвигаясь к одной из точек колхоза «Акобинский». Заметивший приближение людей, сорвался с места корсак, раскопавший под снегом небольшую ямку. Очевидно, определив что-то по запаху, зверек пытался таким образом достать себе съестное из-под плотного слоя снега.

– Смотри, лиса копается в снегу! Наверное, что-то почуяла там! – любуясь мехом рыжего зверька, восторженно произнесла Надя.

– Нет, это не лиса, это корсак. Он меньше лисы, но тоже красивый, – уточнила Маруся, глядя на убегающего зверька с сожалением: – Бедный, чем же он здесь питается в такой холод? Наверное, мышей ищет?

– Наверное. А может, что-то с осени осталось.

– Тяжело им сейчас, в такую стужу.

– Но ничего! Через месяц полегче будет, а там, глядишь, и суслики вылезут.

Нелегкий путь девушек иногда пересекался следами мышкующих в степи хорей, корсаков, лис, а также осторожных и пугливых зайцев, занятых поиском корма. С трудом верилось в то, что в этом почти безжизненном степном уголке земли можно встретить такое разнообразие диких зверьков, чудом выживающих в здешних местах. Но жизнь в природе не прекращает свое начало в любых, даже самых суровых условиях. Вероятно, тем и прекрасна матушка-природа, что поражает нас своими таинствами и законами, которые человеку до сих пор не все известны.

Около двух часов пополудни, покормив быков и уже с полными флягами молочной продукции, уставшие подруги тронулись в обратный путь. Стараясь засветло доехать до какой-нибудь чабанской точки, где можно было остановиться на ночлег, девчата робко надеялись еще и на то, что, может быть, там им посчастливится перекусить. Больше всего они опасались резкой смены погоды. Зимняя степь коварна – особенно она опасна внезапными буранами. С незапамятных времен известны случаи, когда люди, врасплох застигнутые метелью, сбивались с пути и, не находя приюта, так и замерзали в безлюдной степи. Опасаясь ненастья, девчата спешили сами и подгоняли нерасторопных быков.

Когда холодное, зимнее солнце уже перевалило за багрово-красный горизонт, а уныло поблекший дневной свет еще не скрылся под покровом ночи, сани девушек добрались до старого Игуменского хутора, ставшего теперь одной из чабанских точек. Издалека кошары, как и сами чабанские шалаши, в заснеженной степи увидеть не представлялось возможным. Лишь сероватый дымок из труб саманных жилищ, подающий им робкую надежду на теплый ночлег, едва виднелся из-за снежного вала, отделявшего степь от строений. Территория за высокой стеной снежного заграждения по всему периметру чабанской точки была аккуратно вычищена.

«Судя по тому, что вал на точке держат и она не занесена снегом, скорее всего, здесь живет большая семья», – подумала Маруся, глядя на ухоженную территорию. На лай собак встречать девчат вышла молодая, лет тридцати пяти, женщина-казашка в наспех накинутом заплатанном полушубке, вероятно, с плеча ее мужа.

– *Саламатсыздар ма Қарындастар! Амансыңдар ма? Қалдеріңіз қалай? Ал, кош келдіңіздер!* (Здравствуйте, сестренки! Как вы, живы-здоровы? Добро пожаловать!) – радушно привечала гостей хозяйка, отгоняя назойливых собак.

Ближе к животноводческим постройкам находилась мазанка ее свекра, где тот жил с семьей своего старшего сына. Услышав лай собак, из землянки вышел хозяин – пожилой мужчина лет семидесяти. Поправляя на ходу шапку-малахай, он по-доброму поприветствовал девчат и предложил им свою помощь. Из-за спины старика на запоздалых гостей с любопыт-

ством поглядывали три мальчика-подростка четырнадцати-шестнадцати лет. Дед, бросив суровый взор на внуков, велел им зайти в дом. Дверь за подростками со скрипом закрылась. Слова старика, обращенные к снохе, изредка заглушались неугомонным лаем разномастных собак. Разгневавшись, старик громко крикнул, махнув на животных угрожающим жестом. Собаки, виновато поджимая хвосты и уши, сразу затихли. Перекинувшись с невесткой несколькими фразами на казахском языке и твердо убедившись в том, что девчата справятся сами, пожилой мужчина еще раз буркнул на собак и зашел в дом. Когда Маруся увидела подростков и старика, она поняла, кто помогает держать снежный вал – в этом деле нужны мужские руки.

Из открытых дверей коровника в лица девчат повеяло теплом животноводческого помещения, клубами густого пара оно расплывалось в морозном воздухе февраля. Жестами худенькая женщина показывала, откуда можно взять солому и воду из колодца, чтобы напоить и накормить уставших животных. Прилагая все силы и старания, она помогла занести в теплое помещение тяжелые бидоны с продукцией. Энергичная и добродушная хозяйка по-матерински, с неподдельной заботой старалась взять на себя ту часть работы, где было труднее всего, и это согревало сердца и радовало еще не очерствевшие души девчат.

– Вот и хорошо! Бидоны в сарай занесли, водой быков напоили, корма им на ночь хватит. Всё!.. Закрываем сарай и пойдем в дом, – решила хозяйка, еще раз внимательно осматривая темное помещение коровника. – Вы с дороги устали, сейчас будем пить чай. Дома тепло, согреетесь! А то ведь вы весь день на морозе, – с беспокойством в голосе подытожила Зауреш, закрывая двери хозяйственной постройки. – Хорошо, что вы ночевать к нам заехали, сейчас ночью в степи опасно: в любую минуту буран может начаться, да и волки к нашим кошарам часто приходить стали. Свекор по ночам из ружья стреляет, когда они выть начинают! Так страшно… Мы с ним заведующего фермой несколько раз уже об этом предупреждали…

Скованная морозом ночь окончательно опустилась на степь. Внутреннее помещение небольшой мазанки освещалось тусклым светом керосиновой лампы. С порога девчата наткнулись на ватагу игравших в землянке босоногих ребятишек. Их было пятеро: от двух с половиной до двенадцати лет. Дети, увидев зашедших с матерью в дом незнакомых людей, затихли, старшие незамедлительно поздоровались с вошедшими гостями, их примеру последовали и малыши. Было видно воспитание родителей, с пеленок приучавших детей уважать гостей и старших. В натопленном шалаше стоял легкий горьковатый запах горелого кизяка вперемешку с запахом вареной баранины, отчего в желудках проголодавшихся девчат ощущалось легкое покалывание, а обильно выделявшуюся слюну приходилось часто глотать.

– Прошлой ночью одна овца ногу себе сломала, пришлось ее зарезать, чтоб не издохла. Сегодня утром к нам завфермой приезжал; свекор тушу разделал, а начальник ее в колхоз забрал. Вот он и разрешил, чтобы мы от этой тушки отрезанные конечности и голову с потрохами себе оставили, – поспешила пояснить хозяйка, – хоть это и не густо, но все-таки навар для шурпы. Вы раздевайтесь, проходите, сейчас чай пить будем, – непринужденно предлагала беспокойная Зауреш.

Девчата стали снимать верхнюю одежду, а старший сын Зауреш, принимая вещи гостей, по-хозяйски раскладывал их возле теплой печи. Зимой это было очень важно. Нужно было, чтобы одежда до утра нагрелась и просохла. Уложив у очага вещи подруг, Сансызбай принес кумган с теплой водой и полотенце. Над тазиком, который под светом керосиновой лампы отдавал латунным блеском, девчата вымыли руки и смогли умыться. Дарига – так звали девочку, что на год младше своего старшего брата, – быстро развернула посреди комнаты достархан. На кошме проворная черноглазая озорница разложила старенькую, но чистую скатерть и ловко расставила на ней пиалы и незатейливую посуду. Вокруг скатерти старшие дети аккуратно разложили три корпешки (тонкие и узкие матрасы), на которые девушкам любезно предложили присесть. Младшие дети бросили свои забавы и вели себя не столь шумно, отдавая дань уважения пришедшим гостям. Лишь изредка, увлекаясь по-детски игрой, они получали замечания

от старших. Сама Зауреш при этом суетилась у печки, отдавая детям распоряжения незаметными жестами, без слов: кивком, взглядом, мимикой. И дети безошибочно понимали ее шифрованные команды. Расположившись за скромным достарханом, гости с хозяйкой принялись пить горячий чай, заправленный каймаком, вприкуску с сухим куртом (подсоленным высушенным творогом, скатанным вручную в продолговатые шарики). Согретые домашним теплом и радушным приемом девушки с радостью попили чаю, отчего после тяжелого трудового дня их стало клонить ко сну. В протопленном шалаше потрескивала небольшая печь, от которой исходило такое приятное телу и душе тепло, что, едва припав к приготовленной постели, под тихое хихиканье детишек, перешептывающихся между собой в противоположном углу дома, гости заснули.

Проснулась Маруся оттого, что кто-то легонько толкал ее в локоть. Едва открыв глаза, в тусклом свете лампы она увидела склонившуюся над ней Зауреш. Хозяйка снова приглашала к столу.

– *Тамақ, тамақ* (Кушать, кушать), – поправляя платок, приговаривала женщина, – подругу свою буди, сейчас лапшу кушать будем.

Из вежливости еще не пришедшие в себя ото сна девушки как могли старались отказаться от приглашения. Но Зауреш непринужденно, с какой-то непостижимой заботой смогла поднять их с постели и усадить за гостеприимный достархан.

– А дети… дети ваши уже покушали? – спросила Маруся, глядя на спящую малышню. Она прекрасно понимала, что в это трудное время ее с Надеждой здесь никто не ждал. Чай, заправленный сливками, вприкуску с куртом в то суровое время для них был уже роскошью.

– Может, пусть детишки поужинают, а потом мы? – предложила Надя, заправляя под старенький, выцветший платок темную прядь волос. Так же, как и Маруся, она бросила свой взор на спящих детей.

– Вы садитесь, садитесь, кушайте, пока горячее, а за них не беспокойтесь, – помешивая в казане лапшу и разливая ее по глубоким пиалам, невозмутимо произнесла не знающая усталости хозяйка. С жадностью подруги принялись есть сытную лапшу, в которой изредка попадались очень мелкие мясные кусочки бараньих ножек. Занятые едой, они ни разу словом не обмолвились. Было очень вкусно, учитывая и то обстоятельство, что такой пищи девчата не ели уже очень и очень давно. Зимой с питанием было особенно трудно. Запасов хватало только на то, чтобы не умереть от голода. Из-за систематического недоедания, даже приняв небольшую порцию сытной лапши, их желудки были полны, хотя неумолимое желание съесть больше было еще долго. Мудрая хозяйка ни разу не отвлекла их своими разговорами, понимая, что отрывать изголодавшихся гостей от трапезы нежелательно. Она внимательно наблюдала, с каким аппетитом девчата, едва прожевывая, ели приготовленную лапшу. И только когда по пиалам был разлит чай, Зауреш начала непринужденный разговор.

Чаепитие у казахского народа – это отдельный ритуал. Вот и сейчас он целиком и полностью соответствовал национальным традициям. Крепко заваренный напиток, сдобренный каймаком, Зауреш разливала по маленьким пиалам непременно небольшими порциями; очевидно, это испокон веков делалось для того, чтобы в процессе длительного утоления жажды можно было о многом поговорить. Ну и, само собой, при долгих разговорах чай должен быть всегда горячим, потому и порции наливались маленькие. Сама хозяйка, подвернув под себя ногу, сидела на краю кошмы рядом с печкой. Справа от нее, на земляном полу, находился специальный металлический поднос с высокими краями, в который из печи был насыпан жар. На тлеющих горячих углях шумел большой чайник. Заварной фарфоровый чайник во избежание повреждения хозяйка ставила рядом с подносом, периодически поворачивая его к источнику тепла разными сторонами. Времени для застолья требовалось немало, и для того, чтобы напиток был всегда горячим и вкусным, придумывались вот такие приспособления. Разливая чай по пиалам, Зауреш шепотом принялась рассказывать о том, как летом ей приходилось

в ночное время воровать с колхозного поля зерно, чтобы зимой можно было как-то прокормить своих малолетних детей. Из накопленной впрок пшеницы она теперь может толочь в ступе муку, из которой понемногу и готовит то лапшу, то бауырсаки (маленькие пышки круглой формы).

– Не будь этого, я не знаю, как бы мы смогли дожить до сегодняшнего дня, – закончила свою речь Зауреш, помешивая при этом мастемером (щипцами для углей) жар на металлическом подносе. В комнате наступила минутная тишина; вероятно, каждая из девушек с болью в сердце задала вопрос Богу: «Ну когда же это все закончится?!»

Напившись досыта чаю и поблагодарив хозяйку за ужин, гости с трудом добрались до своей постели. Перебитый сытной пищей сон уже не пленил так в свои объятия, и ничего не оставалось делать, как стать невольными свидетелями того, как заботливая хозяйка и добрая мать будила и усаживала за достархан своих детей. Глядя на эту картину, окончательно и бесповоротно становилось ясно, что по обычаям их предков в первую очередь почет и уважение и все лучшее к столу отдается гостям, и только потом кормят детей, а если что осталось, едят сами, в каких бы тяжелых условиях ни жила семья.

* * *

На всю свою жизнь я запомнил этот рассказ моей матери, и не раз слышал, как с восхищением о подобных жизненных ситуациях рассказывали мне мой отец и тетя Надя. Мне самому в дальнейшем приходилось убеждаться в том, что это не отдельный случай, а закономерность, и каждый раз не переставал этим восхищаться!

Я до безумия люблю свой русский народ и горжусь им, как истинно великим, из жизни которого можно с таким же успехом перечислить множество подобных историй, происходящих в разные эпохи и времена. Такие традиции и обычаи существуют у многих наций и народностей – в мире нет границ и предела гостеприимству, радушию и благородству. Их и должно быть много! Но я не имею права в данном случае промолчать, не отметив особой строкой то, что происходило со мной и моими близкими людьми, за что я хочу низко поклониться казахскому народу. Возможно, мы стоим на пороге другого времени, когда нет таких трудностей, при которых проявляется все самое ценное в человеке. Возможно, поэтому я не осмеливаюсь плохим словом назвать того, кто, встав перед выбором – кого накормить первым, гостя или своего ребенка, заведомо зная, что тебе, но самое главное, твоему дитю еды может и не достаться, – не дрогнул бы в последний момент. Какую ты должен иметь душу и какими должны быть твой нрав и твое сердце, чтобы без капли сомнения ты смог поделиться последним куском хлеба с незнакомцем, который придет в твой дом в первый, а может, и в последний раз? Разве только с широтой местной степи я могу сравнить широту души казахского народа, доброте и радушию которого нет предела! Именно этому народу, низко поклонившись и от чистого сердца, с благодарностью и любовью я готов сказать огромное спасибо! За его искренность, добродушие, скромность и простоту.

Передовая

Год прошел как целая вечность. Но наступил долгожданный апрель, и к концу месяца Дружинин вольной птицей выпорхнул из ворот тюремного лагеря – свобода! С первых дней заключения он дал себе слово, что сюда больше ни ногой. Как только Анатолий оказался за пределами злополучного учреждения, то, не оглядываясь, со всех ног рванул в сторону вокзала; в голове была только одна мысль: как можно быстрее добраться до дома. Вот только дорога в Джаныбек тоже не из легких: поездом, да еще с пересадкой. Хотя это все по сравнению с пребыванием в лагере – легкая прогулка.

Не прошло и двух суток, как Анатолий, обходя лужи после весеннего дождя, шел с вокзала домой, наслаждаясь теплом первого майского дня. Вот она, низенькая землянка, внутри – знакомый запах родного дома, теплые объятия сестренок и матери, у которой сердце разрывалось и от радости, и от сознания того, что в августе сыну исполнится восемнадцать лет, а это значит, что и его скоро заберут на фронт.

Весенний призыв по всей стране шел полным ходом; военкомовских представителей Дружинину долго ждать не пришлось. Через несколько дней после регистрации в отделении милиции ему принесли повестку. В районном военкомате Анатолия определили в группу, которую в конце мая должны отправить в подготовительный лагерь для прохождения новобранцами курсов боевой подготовки. Накануне отправки сына на фронт Мария Ивановна втайне от посторонних пригласила домой молоканского пресвитера. Его появление для Анатолия было делом неожиданным. Конечно, он догадывался, что мать что-то затеяла, потому как утром попросила его вечером никуда не отлучаться. Усадив Анатолия за стол, духовный пастырь достал из портфеля две стареньких потрепанных книжицы и, положив на них сухие старческие руки, стал молиться. Свершив молитвенный обряд, священнослужитель вручил ему листочек бумаги, на котором от руки, карандашом, был написан девяностый псалом из Ветхого Завета.

– Запомни, детка, этот псалом поможет тебе на поле брани. Надо только верить, сынок, в силу Господа нашего Иисуса Христа, верить и молиться. Тысячи и десятки тысяч будут погибать рядом, как сказано в великом Писании, но с тобою ничего не приключится, ибо ангелы по велению Всевышнего будут охранять тебя на всех путях твоих. Прибегающий к Богу становится сыном Божьим, – тихим голосом приговаривал милый старичок с седыми реденькими волосами вокруг блестящей лысины, – молись, сынок, вдали от дома сам, а мы с твоей матерью тут за тебя молиться будем. Бог обязательно услышит слова наши, если мы искренни будем. А молитву эту, детка, храни при себе, где бы ты ни был, – ненавязчиво напутствовал его старенький пресвитер, постоянно поправляя поломанные очки, дужки которых были стянуты на затылке потрепанной резинкой.

Процедура благословения для Анатолия была совершенно непонятным да и неприятным ритуалом, а наказ о том, что нужно молиться, он попросту не признавал по причине своих атеистических взглядов. Но перечить воле своей матери не смел – так он ею был воспитан с мальства. И тетрадный листок он выбрасывать тоже не стал, а аккуратно сложил его вчетверо, засунув в потайной карман своего старенького пиджака на тот случай, если вдруг возникнут трудности.

Девятнадцатого мая на железнодорожной станции Джаныбека собралась шумная толпа из призывников и провожающих со всего района. Вся эта многоликая толпа ожидала прибытия поезда: состав должен был подойти к полудню. Вскоре привокзальный гомон заглушился шумом вагонных колес, свистом тормозных колодок и протяжным гудком прибывающего локомотива, тянущего за собой ряд теплушек и грузовых платформ. Суматошная процедура проводов незамедлительно оборвалась окриками военкомовских офицеров, по команде которых

призывники выстроились в неуклюжий извилистый строй. Он представлял собой два неровных ряда мальчишек в гражданском одеянии, за плечами которых торчали скромные вещмешки. Многим из них, как и Анатолию, не исполнилось и восемнадцати. И они, еще не нюхавшие пороху безусые пацаны, уже этой осенью должны будут окунуться в пучину ожесточенных боев. Но это будет потом. А сейчас они с романтическими мыслями в юных умах как на экзотическую прогулку отправлялись в дорогу, со смехом и шутками подбадривая друг друга. Не понимали еще неоперившиеся юнцы того, что многие из них в последний раз видят свой поселок, лица родных и что сюда они уже никогда не вернутся. Прозвучавшая команда «По вагонам!» породила женский плач, крик, вопли, заглушавшие команды офицеров. Матери, сестры, отцы и братья в истерике бросались в объятия своих родных, стараясь задержать их еще на несколько секунд, чтобы хоть еще миг побыть рядом. Громче всех голосили те, кто на этой войне уже потерял близких, к кому в дом уже пришла беда в виде похоронки, кто не понаслышке знал горькую горечь потерь. Мария Ивановна, привыкшая боль хранить в себе, не могла в этих рвущих душу обстоятельствах сдержать себя; прощаясь, она смотрела на своего отправляющегося на фронт сына сквозь слезы. В памяти одно за другим мелькали трагические события ее семьи: внезапная гибель мужа, смерть старшего сына, Александра, – тяготило давно пришедшее извещение на пропавшего без вести второго сына, Матвея, а теперь у нее забирали и Анатолия.

– Толькя, сынок!.. Прошу тебе: ты бережи себе там… Да сломя башку без надобности в пекло-то не суйся. Слухай старых солдат, они знают, што да как, лучше, чем вы, молодые да неопытные. Помни, што пресвитер, Сямён Грягорич, табе говорил: молись, детка, и бережи молитву свою, и я молиться за тебе буду. Храни тебе Бог, сынок. Может, там Мотькю встренешь, так вы там друг возля дружки будьтя, – целуя, в объятиях напутствовала она сына.

– Хорошо, мам, хорошо… Я и старых солдат слушать буду, и молиться буду, ты только не переживай, все хорошо будет; я, мам, писать вам обязательно буду. Ты, самое главное, не волнуйся, нас сразу на фронт не отправят, пока воинским наукам не обучат, – успокаивал как мог разволновавшуюся мать Анатолий.

В слезах, прижавшись к нему, рядом шли Надежда и Валентина.

– Ты, Толя, не забывай нам письма писать, а мы с Надей обязательно тебе по очереди отвечать на них будем, – умоляла брата Валентина, крепко держась за его руку.

– А мы с Валей знаем, что ты куришь, и втайне от мамки кисет тебе на память сшили, – оглядываясь на мать, прошептала Надежда, – чтобы ты там, на войне, чаще вспоминал про нас, – добавила она и сунула ему в карман брюк красный, с черным шнурком кисет.

– Букву Т я на нем вышивала! А Надя – Д. Ну, «Толя Дружинин» значит, – спешила сообщить младшая, Валентина. – Хотела я, как положено, А вышить – то есть «Анатолий». Но тогда получилось бы «АД» – жутковато как-то. Правда? – тараторила Валя, крутя головой из стороны в сторону. Маленькая, со смешными косичками, она в последние дни как привязанная ходила за братом, сознавая, что увидеться им теперь придется не скоро. – А я у мамки еще и табачку тебе стащила, – хихикая сквозь слезы, прошептала она на ухо Анатолию. – На-ка вот, держи, – и сунула ему в другой карман газетный кулек со щедрой пригоршней мамкиного самосада.

– Ах ты, озорница такая!.. – смеясь, погрозил ей пальцем Анатолий и, нежно приобняв, поцеловал сестренку в темечко.

Распрощавшись с родными, Дружинин запрыгнул в теплушку. Состав со скрежетом и скрипом, дергаясь и натужно пыхтя, тронулся, медленно набирая ход. Новобранцы, торопясь, в спорах и суматохе стали устраиваться в тесном помещении вагона, выбирая себе понравившиеся места на деревянных нарах. Правда, шум и толчея продолжались недолго; скоротечный спор и гомон медленно переросли в обеденную процедуру. Определившись небольшими группами, молодежь принялась за трапезу из тех запасов, что передали им в дорогу заботливые

родственники и родители. Смех, шутки, разговоры вскоре тоже стали стихать, и после незапланированного обеда люди стали расходиться по своим местам, обосабливаясь в своих мыслях.

Уединился и Дружинин. Место ему досталось возле входа, как он и хотел и чему был непременно рад. Самое главное, отсюда, не слезая с нар, можно было наблюдать меняющийся за широким проемом пейзаж. Ворота теплушки были открыты, и через них с улицы в душное помещение вагона врывался прохладный воздух набравшейся силы весны. Однообразная равнина степи, изредка пересеченная узкими речушками и неглубокими балками, была покрыта зеленым ковром травы. Выгнанный на выпас скот имел возможность наслаждаться сочным, зеленым кормом. Суслики, перебегая с места на место, шныряли между мелкими кустиками горькой полыни и другого разнотравья. Становясь на задние лапки, эти чудные зверьки, пересвистываясь между собой, с интересом осматривали, что происходило вокруг; щебеча, порхали над землей серые хохлатые жаворонки; выискивая жертву, высоко в небе парил орел. Все это было по-весеннему мило и привлекательно. Но пройдет полтора месяца, и выжженная горячим солнцем степь изменит свой зеленый окрас на мрачно-желтый цвет. Жаворонки и суслики в полуденный зной будут редкими гостями, и лишь гордый орел по-прежнему будет намётывать круги над безжизненной и выжженной солнцем степью. Это Анатолий знал с раннего детства, а потому наслаждался тем, что видел именно сейчас. Устроившись удобней на нарах, он вытащил из кармана кисет и внимательно стал его рассматривать. На мешочке, аккуратно сшитом из темно-красной ткани, с двух сторон черными изящными вензелями были вышиты две большие буквы: Т и Д.

«Ух ты! Как красиво!» – сразу же мелькнула первая мысль. И только теперь Анатолий почувствовал ту теплоту и любовь, с которой сестренки, стараясь, вышивали ему этот подарок. «Обязательно сохраню его до победы, если не убьют», – поклялся себе он и ссыпал в кисет табак, купленный ранее, втайне от матери, на базаре. А мамкин самосад, что сунула ему в карман проворная Валентина, он отложил на черный день.

На вокзале Чкалова среди немногочисленной толпы гражданских и военных Анатолий заметил раненого солдата. Боец, который одиноко сидел на скамейке, был в уже изрядно поношенной форме и при погонах; на груди служивого поблескивала медаль «За боевые заслуги». На ногах фронтовика – начищенные до блеска ботинки с обмотками, за плечами – вещмешок; левая рука солдата от кисти до предплечья перебинтована и висит на повязке. «Вот это настоящий фронтовик», – подумал Анатолий.

– Вася! А давай подойдем и спросим у него, как там, на фронте? – предложил товарищу Дружинин.

– Давай! Наверняка человек на передке побывал, вон, смотри, даже ранен, – согласился Василий. Вдвоем они направились к солдату. Уж очень одолевало любопытство: как там, на войне?

– Здоро́во, браток, – обратился первым Анатолий. Подойдя к фронтовику, он протянул ему руку.

– Здоро́во, коль не шутите, – улыбнулся солдат, приветствуя друзей.

– С фронта? – сразу перешел к делу Чурзин.

– Оттуда, – коротко и как-то вроде нехотя ответил солдат.

– А нас вот в учебный лагерь отправляют. Ну а потом тоже на фронт поедем, – с гордостью сообщил незнакомцу Анатолий.

– Понятно… Товарищи, а вы случайно табачком не богаты? – скромно поинтересовался раненый, – а то у меня с этим делом сейчас туговато…

– Этого добра у нас пока с избытком, – похвастался Дружинин, вытаскивая из кармана вышитый сестренками кисет, – на-ка вот, угощайся. Может, познакомимся? Меня Анатолий зовут, а моего друга – Василий.

– Иваном меня назвали, – нахмурил брови солдат, набирая из кисета Дружинина щепотку табака. – Это, наверное, в Тоцк вас везут? – Иван улыбнулся, скручивая цигарку.

– Туда… Мы сами из Джаныбека, есть такой поселок в Западно-Казахстанской области. Может, слыхал? – на всякий случай спросил Анатолий, деловито накладывая из своего кисета табак на газетный кусочек.

– Нет, не слышал, – отрицательно покачал головой Иван. – Задержали нас маленько в Уральске, а так давно должны были сюда приехать. Один из наших призывников по пути заболел тифом, вот всю нашу команду в областном центре на две недели и оставили на карантин. Хорошо, что особой строгости в режиме там не было; мы смогли и по городу погулять, и в Урале, и в Чагане искупаться. В выходные посчастливилось даже в кино сходить.

– А ты что, в Тоцком лагере был? – прикуривая цигарку, спросил Анатолий.

– Был. Тоже проходил там курсы по боевой подготовке. – Иван раскашлялся. – Хороший табачок-то у тебя! До самого нутра продирает, – похвалил он самосад Дружинина и одобрительно посмотрел на самокрутку.

– Да, это у меня еще домашний остался. Специально придержал, отложил его на потом. Мамаша моя сама на огороде такой выращивает, – смеясь, похвастался Дружинин.

– Ну и как там, в Тоцке, командиры не зверствуют? – стал интересоваться Чурзин.

– Как вам сказать?.. – пожал плечами Иван. – Особо вроде и не зверствуют, но только и полезному ничему не учат. Строевой подготовкой гоняют с утра до ночи да в противогазах заставляют бегать – вот и вся наука. А на фронте это и не нужно. Там строевым маршем или бегом в противогазе на фашиста не попрешь.

– Ну а как там, на фронте-то? Расскажи, – сгорал от нетерпения Васька, – я смотрю, ты повоевать успел, даже награду имеешь и ранен. Как я понял, теперь с ранением в госпиталь едешь.

– В третий по счету еду. В двух-то я уже побывал, теперь вот поближе к дому направили, – пояснил Иван, махнув рукой в сторону юго-запада. – Я же сам здешний, потому в Чкаловскую область и попросился. Хорошо, что во втором госпитале военврач дядька добрый попался, отзывчивый такой мужик, порядочный. Он, оказывается, сам раньше в нашем Соль-Илецком госпитале служил. Вот, откликнулся на мою просьбу и дал мне направление поближе к дому.

– Что, сильно зацепило? – сочувствуя, спросил Анатолий.

– Да… Осколок, зараза! Кость повредил. Вот теперь никак не заживает – гниет…

– Ну ничего, может, на родине подлечат и поправишься, – поддержал его Чурзин.

– Подлечат… Дома и стены помогают, – улыбнулся Иван. – У нас там лечебное озеро с соленой водой есть, еще до войны на том месте санаторий был, а теперь вот госпиталь. Наша соленая водичка обязательно поможет, – утешал себя раненый.

К скамейке постепенно стали стягиваться остальные члены команды. Любопытных становилось все больше.

– А ты на каком фронте воевал? – наседал с вопросами Чурзин. Ему, как и всем остальным, не терпелось услышать, как обстоят дела там, на передовой.

Пододвинувшись к Ивану поближе, Василий уточнил:

– Что, давит фашист?

– Давит… – процедил сквозь зубы Иван и, как в подтверждение, погладил перебинтованную руку, – но и мы даем фрицу прикурить! – уже восторженно произнес фронтовик. Оглядывая вокруг себя десятки любопытных глаз, Иван расправил плечи и, смачно затянувшись, продолжил: – Я службу-то начал на Донском фронте. Вот там, под Сталинградом, прошлой зимой мы всыпали и немцам, и румынам, и итальянцам – всем от нашего брата досталось.

– А что, разве против нас румыны и итальянцы воюют? – возмутился кто-то из толпы новобранцев.

– Ну ты темнота! – пристыдил невежду Ломакин. – Да против нас пол-Европы воюет, – проинформировал он безграмотного.

– Чего ты, Гриша, ему тут политзанятия проводить собрался?! – возмутился Чурзин. – Не отвлекайте человека! Давай, Ваня, дальше рассказывай!

– Но надо прямо сказать: что румыны, что итальяшки – вояки так себе, – продолжил Иван, – чуть придавишь, сразу драпают или в плен сдаются. Тогда, в декабре сорок второго и в январе этого года, морозы как раз стояли недетские – за сорок градусов зашкаливало. Смотришь на этих пленных вояк, и самому еще холодней становится. Ста-а-а-ят «герои», сопли до подбородка висят, сгорбились, как деды столетние, поверх своих шинелей барахло бабское напялили – тьфу, смотреть противно. А вот немцы – нет! Те совсем другие. И воюют грамотно, да и дисциплина у фашиста – будь здоров! Ну, мы этим тоже наваляли. Сводки информбюро, наверное, слышали? Триста тысяч фашистов тогда в окружение попало!

– Слышали, слышали, – загудела толпа.

– Вот здесь я свою первую награду и получил, – с гордостью высказался фронтовик, покосившись на свою медаль. – Потом наш Донской фронт, правда, расформировали и перебросили нас по железной дороге под Ольшанку (село такое есть в Курской области), да и фронт у нас стал называться не Донской, а Центральный. А вот здесь, братцы… нам и с венграми повоевать пришлось, – прицыкнул языком Иван, – эти своим «героизмом» от румын да итальянцев особо тоже не отличались, но зато зверствами над мирным населением «прославились». Так мы с ними и не церемонились! Был приказ… венгров в плен не брать! А приказы в армии не обсуждают… Приказ есть приказ! – нахмурив брови, гордо произнес Иван и в знак подтверждения своих слов жестко, как отрезал, махнул рукой: – Так наши хлопцы на месте этих гадов и кончали.

– Правильно! А чего с ними церемониться? – поддержал кто-то слова раненого бойца.

– Конечно! Так и надо этим гадам. Пусть знают, как издеваться над мирным населением… – загудела толпа.

– Ну ладно, ладно… Не мешайте слушать, – остановил возмущенных Чурзин. – Давай, Ваня, дальше рассказывай.

Иван плюнул на огарок своей самокрутки, затушил ее носком ботинка и, перекинув ногу на ногу, продолжил:

– Да… повоевать нам здесь пришлось нелегко. Как раз март – весна началась, а мы в валенках: днем все тает, промокнешь насквозь от мокрого снега и пота, а в ночь – вот он тебе и морозец… Туговато было, конечно, нечего сказать. А в апреле, это когда уже потеплело, мы как раз в обороне стояли, тут-то меня и зацепило, мать бы его… – выругался Иван. – Так с тех пор по госпиталям и мотаюсь. Братишка! – повернувшись, обратился он к Дружинину: – Ежели не жалко, сыпани еще малость своего самосаду. Больно он у тебя хороший – ядреный! – засмеялся Иван.

– Какой разговор, Ваня?! Конечно бери, – протянул ему табак Анатолий.

– Кисет, смотрю, у тебя красивый. Невеста небось подарила? – щурясь и загадочно улыбаясь, спросил Иван, набирая добрую щепотку самосада.

– Нет пока у меня невесты. Это сестренки постарались, – пояснил Дружинин, затягивая шнурок.

– Строиться! – прозвучал приказ, и новобранцы, прощаясь и нехотя отходя от раненого фронтовика, стали собираться в строй.

После высадки в Тоцке и непродолжительного марша команда оказалась на затерявшемся в степях военном полигоне. Молодежь наголо подстригли и после бани переодели в военную форму. Обмундирование сделало всех похожими друг на друга. С непривычки, когда люди оказались в одинаковом одеянии, в этой однородной массе друзья, смеясь, с трудом узнавали друг друга. Вырытые в земле бараки, в которых разместили молодых солдат, выглядели ужа-

сающе: перекошенные нары из пересохшего искореженного леса и грязные, набитые соломой матрасы совсем не радовали глаз. Конечно, со временем с этим свыклись. Приспособившись к новым условиям, люди стали налаживать немудреный лагерный быт – ведь они теперь солдаты Рабоче-крестьянской Красной армии. Двадцать второго июня новобранцы приняли присягу, и с этого дня по-настоящему началась ратная служба со свойственным ей режимом, воинскими законами и прочими премудростями солдатского быта. Как раз премудростям военного искусства молодежь и не обучали. Подтвердились слова Ивана: молодых солдат донимали бесконечными маршами и бессмысленными занятиями по строевой подготовке, со временем ставшей им ненавистной.

«Ничего, вот еще несколько мучительных дней, и потом нас обучат стрельбе, метанию гранат и даже будут занятия по рукопашному бою», – утешали друг друга люди непонятно откуда пришедшими домыслами. Но ничего грандиозного в ближайшие дни да и потом не произошло. Два дня подряд бойцы ходили на стрельбы и метание учебной гранаты, а после короткого инструктажа практиковались во владении трехлинейкой в ближнем бою, отрабатывая удары штыком и прикладом на чучелах, набитых соломой. А потом опять строевая и бег в противогазах.

Техникой рукопашного боя увлекался Гриша Ломакин. Он и стал инициатором создания группы, которая, по его мнению, в дальнейшем должна была стать неким разведотрядом. Для этого Григорий уговорил сержанта Бондарева, чтобы он проводил с группой энтузиастов специальные занятия.

Олег Бондарев на тот период действительно имел богатый опыт боевых действий. Он участвовал в Финской кампании тридцать девятого – сорокового годов, а с первых дней войны с гитлеровской Германией воевал с фашистами на Северо-Западном фронте. В конце сентября сорок второго года в ожесточенных боях в районе озера Ильмень Олег получил тяжелое ранение и после госпиталя был направлен в Тоцкие лагеря, где занимался подготовкой новобранцев. Бондарев не особо желал проводить подобные занятия и идею Григория принял за ребячество. Но Ломакин был парнем настойчивым, и вместе с Василием Чурзиным они со своим предложением дошли до командования учебного полка.

Седой как лунь майор стоял на ступенях штаба и внимательно слушал обращение молодых солдат.

– Ну что, товарищ капитан, удовлетворим просьбу активистов? – обратился он к политруку.

– Давай, товарищ майор, пусть попробуют, – согласился капитан, едва сдерживая улыбку. Командиры прекрасно понимали, что серьезных результатов от этой затеи ждать не стоит, но и вреда такая команда не принесет. Так пусть хоть чем-то будет занята молодежь, если имеет к этому интерес. На следующий день группа приступила к занятиям. Дружинин, воодушевленный идеей своих друзей, тоже записался в состав созданной команды, мечтая побыстрее овладеть навыками рукопашного боя.

– Ты так вилы на своем сеновале в солому втыкать будешь, – остановил Бондарев Анатолия, когда он штыком пытался проткнуть соломенное чучело. Сержант выхватил у него из рук винтовку и встал перед манекеном в позе атакующего бойца Красной армии: – Резким движением наносим удар противнику в живот – вот так! – комментировал свои движения сержант. – Не думайте, что врага, если он в шинели, так легко проткнуть штыком. Летом – это запросто, а вот зимой – уже другое дело, нужно усилие прикладывать. Еще раз повторяю, всем своим телом налегаете на винтовку и резким движением вонзаете ему в тело штык на глубину одной третьей его длины, – отметил он ладонью на штыке то расстояние, на какое тот должен был проникнуть в тело неприятеля, – и так же резко вытаскиваете его обратно. Прием выполняется как одно целое движение – это ваше драгоценное время, – давал наказ сержант неопытным новобранцам. Вся группа неумело, но стараясь, продолжала выполнять упражнения, представ-

ляя пред собой лицо истинного врага. Со временем движения курсантов становились увереннее и оружие в их руках ощущалось уже несколько привычней.

– Товарищ сержант, разрешите вопрос, – обратился к Бондареву Григорий, когда занятия перенесли непосредственно в траншеи.

– Валяй, – разрешил командир.

– А на кого в первую очередь нападать в бою, если передо мной фашистов будет много? – недоумевал Ломакин.

– Кто ближе к тебе оказался, на того и при! – кричал Бондарев. – Думать в бою времени не будет. А если рукопашная идет в траншеях, то здесь еще сложнее. Места для маневра в окопах мало, особенно не развернешься, потому и сноровка должна быть при этом особенной. Не убьешь ты – убьют тебя! Зарубите это себе на носу! – строго объяснял сержант.

С большим трудом бойцы постигали эту науку, осваивая и оттачивая упражнения. Со временем их движения стали более выверенными и точными. Но постепенно временное воодушевление стало угасать, ведь тренировки проводились в свободное от основных занятий время. А личное время всегда было дорого. Потому уроки стали проводиться реже, и скоро совсем сошли на нет. Однако первоначальные навыки из проведенных занятий Дружинин для себя все-таки почерпнул. А вот строевой подготовки и занятий по химической защите было с избытком. Как только не кляли бойцы ненавистного командира учебной роты Перебатько, какими прозвищами его ни награждали – добрым и рациональным для их службы офицер не становился.

Шла третья декада августа, летний зной изматывал людей так, что каждому хотелось на пару минут оказаться в январе или в марте, чтобы охладить тело от невыносимой жары и жажды. Задыхаясь от очередного марша и обливаясь потом, Дружинин наконец достиг заданного рубежа. Он снял противогаз и вместе с подсумком откинул его в сторону. Солнце нещадно пекло, а выгоревшая от зноя степная трава, как сплошной ковер, вся была желтого цвета. Расстегнув пуговицы гимнастерки, Анатолий прищурил глаз и, недовольно морщась, посмотрел на солнце.

– Ну и жара! – возмущаясь, выдохнул он и сел на сухую полынь у края пыльной дороги. Некоторые из новобранцев, не выдерживая нагрузки, ложились здесь же, прямо на землю. Разговоров не слышно. Люди после бега восстанавливали дыхание. Дружинин вытащил из-за ремня пилотку и вытер ею мокрый лоб.

– Я этому ироду первому пулю в спину пущу, как только на фронт попадем. Порою мне кажется, что немцы на фронте наших солдат только газами и травят. Ну о другом и не подумаешь, если остальным наукам эта сволочь нас не учит – только муштре на плацу да бегу в противогазах, – сетовал он на своего командира, глядя на мокрые от пота гимнастерки друзей. Солдатская форма от солнечных лучей и стирки за полтора месяца службы выгорела до белизны.

– Я не знаю, как ты, Толя, но мне кажется, этого Перебатько я уже сегодня голыми руками задушу, не дожидаясь, когда нас до фронта довезут. Сколько нашей крови этот гад выпил? Ну хоть какая-то польза была бы от этого кровопийцы – никакой! – поддержал Анатолия Ломакин.

– Правильно, Гриша! Здесь этого аспида и задуши. Его на фронт все равно не отправят, у него ограничение по состоянию здоровья, теперь наш старший лейтенант только к службе в тылу и годен; так что на передовой вам встретиться все равно не придется, – советовал ему Чурзин.

– Ничего, товарищи, зато в случае газовой атаки на фронте вы, в отличие от других, противогаз наденете, когда еще букву «г» в команде «Газы!» едва успеют произнести, чем себе жизни свои драгоценные и спасете, – смеялся Рогожкин, расстегивая ворот мокрой гимнастерки.

– Ты знаешь, Саша, на букву «г» много слов. И если на фронте тебя твой боевой командир предупредит «Смотри: г..но, не наступи!», а ты вместо того, чтобы отойти в сторону, про-

тивогаз на свою морду натянешь, – наверное, он этому очень удивится, – парировал Анатолий под громкий смех сослуживцев. Он отряхнул свой противогаз от капелек пота, аккуратно сложил и засунул его в подсумок.

Как бы ни был тяжек ратный труд, солдаты все равно находили время и место для минутки радости. Не знали эти мальчишки, что невыносимая нынешняя служба там, на фронте, покажется им отпуском в курортном санатории. А пока они роптали на своего бестолкового командира да на однообразие скучных занятий, не имеющих ничего общего с обучением молодых бойцов тактике ведения современного боя.

Календарь отсчитывал числа, и за теплыми летними днями ожидалось приближение дождливой и холодной осени. В один из последних августовских дней новобранцев построили на плацу. На трибуну поднялось командование учебного полка. После непродолжительной напутственной речи командира и политрука, а также недолгих сборов всю команду маршем отправили на железнодорожную станцию.

По дороге на фронт к составу прицеплялись все новые солдатские теплушки из других регионов страны, превращая его в крупный воинский эшелон.

Бесконечные станции, разъезды и перегоны заставляли солдат прибегать к разным хитростям: продаже или обмену личного обмундирования на продукты питания и спиртное. В результате чего по прибытии в Харьков оказалось, что более чем у половины бойцов нет ни портянок, ни обмоток, ни нижнего белья, обменянного или проданного для пополнения съестных запасов. Такую армию теперь пришлось снабжать новым нижним бельем и формой, чтобы «доблестные» защитники Страны Советов не замерзли на поле боя или, еще не доходя до передовой, не околели прямо на марше. Анатолий свою форму, а тем более нижнее белье не продавал и не обменивал, как бы ни был велик соблазн. В его памяти еще сохранились тридцатые годы, когда ему приходилось бегать в школу босиком по холодному снегу, без теплой верхней одежды – ощущения были не из приятных. Умереть от голода на передовой, надеялся он, ему не дадут. А вот риск обморозиться или, хуже того, превратиться в ледяшку от холода, оставшись без нижнего белья, – велик. Потому оставаться раздетым к наступающим холодам он себе не желал. Даже наоборот, по совету одного из старых солдат, с которым ему пришлось накоротке поговорить на одной из железнодорожных станций, Анатолий выменял себе на табак вторую пару зимних портянок, которые бережно хранил теперь в своем вещмешке.

* * *

Стояли последние теплые и сухие дни осени. Деревья, засыпающие в радужных красках листвы, застенчиво обнажались. В чистом голубом небе тянулись на юг стаи перелетных птиц. Солнце отдавало природе свое последнее, еще нерастраченное за лето тепло, которого было уже недостаточно, чтобы ходить по улице в легком летнем одеянии. Разноликий люд на городских улицах разрушенного войной Харькова постепенно облачался в осенне-зимнюю одежду. В городе и особенно в районе вокзала было много военных. Крупный транспортный и железнодорожный узел, который представлял собой Харьков, был от линии фронта на расстоянии чуть более четырехсот километров. Воинские эшелоны с людьми и техникой занимали почти все свободные пути железнодорожной станции, которая была в движении и днем и ночью.

Дважды Дружинина определяли в команды, которые должны были отправить на фронт, и каждый раз отменяли. Но вот наступил тот день, когда ему наконец под подпись выдали оружие. Так как Анатолий до войны работал помощником телефониста, его и определили как специалиста связи. В этот день Анатолий стоял перед воротами оружейного склада и крутил в руках блестящий на солнце карабин. Он осмотрел его ствольную коробку, несколько раз передернул затвор и, убедившись в исправности изделия, стал прилаживать под себя ремень. Ощущение в руках своего личного боевого оружия придавало какое-то непередаваемое чувство

уверенности или защищенности. Этого пока Анатолий не понимал, но вороненая сталь завораживала, дурманя юное сознание. Желание применить новенький карабин в деле не давало Дружинину покоя, отчего он с искрящимися от счастья глазами пытался ощупать каждую деталь. Только вот времени на это не оставалось, командиры торопили, резкими окриками подгоняя молодых солдат. Эта спешка как-то насторожила Анатолия. Во время построения кто-то из новобранцев сообщил, что команду вот-вот отправят на фронт. Такой оборот событий Дружинина не устраивал. Находясь в строю, Анатолий, недовольный таким положением дел, с возмущением стал интересоваться возникшей ситуацией.

– Товарищ лейтенант! Разрешите вопрос? – обратился он к офицеру через плечо впереди стоящего товарища.

– Да! Я слушаю! – дал добро командир, глазами выискивая в строю любопытного новобранца.

– Если мы на фронт едем – где патроны взять? А то если немцы в плен будут брать, мне даже застрелиться нечем будет.

– Чтобы застрелиться, патрон у товарища возьмешь! – шуткой ответил офицер, усмехнувшись.

– Так у товарища их тоже нет! Как ехать на фронт с карабином в руках, но без патронов? – упрекал молодого командира Анатолий. Наслушавшись историй о том, что молодых солдат отправляют на передовую порой без оружия, он не на шутку был возмущен. Строй загудел, поддерживая протест Дружинина.

– Разговорчики в строю – отставить! – повысил голос лейтенант, пожалев о том, что неудачно пошутил. – Вы, товарищ… как ваша фамилия?

– Рядовой Дружинин.

– Ну вот, красноармеец Дружинин, патроны вам выдадут, как вы прибудете в свой полк. Без боеприпасов вас на фронт никто не отправит. Можете не переживать. А сейчас ваша основная задача – выполнять приказы! – стараясь не раздражаться, разъяснил лейтенант. – Я думаю, все знают, что приказы в армии не обсуждаются! Может, кому-то еще непонятно?!

– Приказом, товарищ лейтенант, из винтовки не выстрелишь, – сострил Дружинин, и строй опять загудел, как пчелиный улей.

– Прекратить панику! – строже прежнего произнес офицер. – Для тех, кто не понимает, еще раз повторяю: прежде чем отправить на фронт, из тех подразделений, куда вас определят, приедут представители. Они и доставят вас на место временной дислокации воинской части, где в дальнейшем вы и будете служить, – это полк, батальон, рота, взвод и, наконец, отделение. Боеприпасы к оружию вы тоже получите там и только потом отправитесь непосредственно на передовую, – медленно и доходчиво объяснял лейтенант. – Это, надеюсь, всем понятно?! И мой вам совет, товарищи красноармейцы: никогда не слушайте бредни трусов и дезертиров. Это они, дабы скрыть свое малодушие и страх, распространяют слухи о том, что, дескать, когда их брали в плен, патронов не было, а другие, оправдываясь, говорят, что их вообще без оружия в бой отправили. Конечно, идет война, и там, на фронте, бывают разные ситуации. Вот только сейчас не сорок первый год, когда наши войска отступали. Но я думаю, что и тогда умышленно никто не бросал в бой солдат невооруженными. Достаточно в нашей Красной армии и оружия, и техники, и боеприпасов, – несколько сдержаннее стал говорить лейтенант, – потому фашистов и от стен Москвы, и от Сталинграда уже за Днепр отбросили. И вот что я хочу еще добавить. Это всех касается: не знаете истинного положения дел на фронте – не паникуйте сами и не распускайте слухи о том, чего не знаете.

Люди, слушая слова командира, стояли в строю молча. Понимая, что он напрасно поднял переполох, теперь молчал и Дружинин. Молодой лейтенант, сдерживаясь от раздражения, не срываясь в ярость и крик, смог достаточно внятно и доходчиво донести до молодежи суть

истиной обстановки. И это теперь понимал каждый новобранец, проникнувшись чувством уважения к командиру, который без лишних эмоций смог все объяснить.

– А тебе, товарищ Дружинин, до фронта еще доехать надо, прежде чем из карабина стрелять, – улыбнулся лейтенант, – а то, смотрю, ты прямо сейчас в бой собрался идти, – и с какой-то лукавой усмешкой добавил: – Ну етит твою… Молодец!

Строй тут же разразился громким смехом. Смеялся вместе со всеми и Дружинин.

– Ну что, я надеюсь, вопросов больше ни у кого нет? – спросил офицер, с пониманием и добрыми чувствами окинув взглядом повеселевшие лица солдат.

– Никак нет! – дружно ответили бойцы, убежденные доходчивыми словами командира.

– Тогда слушай мою команду, – со строгостью произнес лейтенант. – Направо! Левое плечо вперед… шагом марш! – распорядился офицер, и солдаты, подчиняясь приказу, чеканя шаг, ровным строем отправились на плац.

В последних числах октября Дружинина с группой таких же, как он, пацанов, рвущихся на передовую, направили в Первую гвардейскую армию Первого Украинского фронта. Сформированную команду построили и с оружием и вещмешками отправили на вокзал. Неуютная и холодная теплушка, в которую забрался Анатолий, вскоре наполнилась шумной и многоликой толпой; настроение всем поднимал конопатый юморист, придумывавший на ходу всевозможные шутки.

– Ну что, братцы! Не посрамим Страну Советов? А?! Надерем задницы фрицам! Это они еще не знают там, какие орлы на фронт едут. А то сразу бы пятки смазали для того, чтобы убегать можно было быстрее. Ха-ха-ха! Так что, товарищи?! Покажем фашистам самую короткую дорогу на Берлин? А?! – подбадривал весельчак своих сослуживцев. Последним в вагон с помощью других забрался боец, за плечами которого кроме вещмешка был баян. И по тому, как он к нему бережно относился, видно было, что этот инструмент ему дорог.

– О! Гармонист?! – расплываясь в улыбке, спросил конопатый балагур.

– Да. Есть такое… только правильнее будет «баянист», – немного смутившись, ответил боец.

– Так тогда тем более! А чего ты скромничаешь?! Это же хорошо! Значит, с музыкой фашиста бить будем! А ну-ка, пробегись по кнопкам, чтобы харьковчане нас запомнили, – не унимался рыжий солдат. – Тебя как зовут?

– Семён.

– А меня Сашка, или просто Рыжий, – рассмеялся он, обращаясь ко всем присутствующим, – все равно так звать будете – куда от этого денешься, я с детства к этому привык. А чего обижаться, если я и на самом деле рыжий?

Под солдатский хохот Сашкин взгляд зацепился за небрежно разбросанные ящики у вагона, стоящего напротив.

– Братцы! А ну, давайте-ка дополнительный стол себе в вагоне организуем, да и стул у баяниста, как положено, должен быть.

С этим внезапно возникшим энтузиазмом Анатолий вместе с двумя бойцами выпрыгнули из теплушки еще до того, как состав стал набирать скорость, и под льющийся из вагона марш «Священная война» они закинули несколько ящиков для благоустройства своего помещения. Сашка своим задором и весельем поднял всем настроение; Анатолий был счастлив, что оказался с ним в одном вагоне. Такая обстановка воодушевила всех, отчего в теплушке стало как-то уютней.

– Слушай, Семён, ты знаешь песню «Прощай, Москва»? Я ее здесь вчера на перроне слышал – ребята воронежские пели, – обратился к баянисту Рыжий, окинув его вопросительным взглядом, – я даже слова у них переписал.

– Нет, не слышал. Так ты напой мне мелодию, а я подыграю, – уверенно ответил Семён и деловито поправил на плечах ремни своего инструмента.

Поезд мчался все дальше и дальше на запад, стальные колеса отбивали монотонную дробь, вагон кренился из одной стороны в другую, качался и скрипел, а из паровозной трубы в его узкие щели с улицы проникал запах угольного дыма. Но это еще больше придавало какой-то особый колорит всему пути. Дневальный растопил стоящую посреди вагона буржуйку, и вскоре от чугунной печки повеяло приятным теплом.

– Приказ был ясен: явиться в час назначенный.
И вот на запад мчится эшелон… —

распевал рыжий Сашка, а Семён, растягивая меха, украшал слова песни переливами аккордов. Мелодию потом еще долго напевали многие обитатели тесного вагона. Слова автора стихов, фронтовика Сергея Орлова, переписывали на клочки бумаги и тетрадные странички. Никто тогда и не знал его имени, как всегда, считая стихи народными.

Безжалостно текли минуты, часы, в периодически открытых воротах теплушки мелькали железнодорожные станции, разъезды; состав, сокращая расстояние, приближался к фронту.

К двум часам пополудни на небольшой железнодорожной станции Зазимье, что в сорока километрах от Киева, воинский состав стал тормозить. Раздались удары буферов и скрежет тормозных колодок. Дернувшись, поезд остановился.

– Выходи из вагонов!.. Строиться! – раздались команды сержантов и офицеров.

Анатолий со своими друзьями, выгрузившись из вагонов, пополнили подразделения прибывшей ранее Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии. Новички оказались среди тех бойцов, кто уже имел боевой опыт. Новобранцев они принимали, как всегда, с юмором, подтрунивая над неопытной молодежью. Анатолий, глядя на них, обратил внимание, что по поведению такие бойцы выделялись среди вновь прибывших. Даже форма смотрелась на этих людях как-то по-особому: создавалось такое впечатление, что они как будто родились в ней. Отсутствие лишних и неловких движений в обращении с оружием и особая сноровка выделяли опытных бойцов из толпы. Они даже разговаривали какими-то незнакомыми фразами. Фронтовики, не первый день смотревшие смерти в глаза, могли моментально ориентироваться в любой обстановке. Это было заметно невооруженным глазом.

Дружинина назначили связистом в роту связи Тысяча сто шестьдесят седьмого стрелкового полка, снабдив его патронами к карабину, о которых он так беспокоился в Харькове. Кроме боеприпасов он получил новенький полевой телефон с катушкой. Слава богу, во время марша это имущество перевозилось в конной повозке – на себе такой груз далеко не унесешь. С наступлением темноты после пополнения новобранцами пешие колонны дивизии с повозками и техникой маршем выдвинулись к передовой по раскисшей от осенних дождей дороге. Путь оказался неблизким, и ночь для Дружинина была утомительно долгой.

Но вот наконец за спиной, на востоке, едва забрезжил рассвет. Уставшие от ночного марша люди подошли к речной переправе. Западный берег Днепра заметно возвышался над его восточной частью. Построенный наскоро свайный мост, на котором их торопили командиры, опасаясь немецких бомбардировщиков, заскрипел и закачался под ногами, когда по его доскам зашагали тысячи солдатских сапог и ботинок.

Киевская наступательная операция, начатая третьего ноября сорок третьего года, дала возможность советским войскам освободить столицу Украины – город Киев – и создать на западном берегу, по линии Днепра, важный стратегический плацдарм. Потерпев поражение на киевском направлении, германские генералы спешно перегруппировывали свои основные силы; в этот район фашисты стали стягивать резервы с других направлений. Цель перегруппировки заключалась в том, чтобы не дать возможности Советам накопить на плацдарме достаточно сил и средств, а также, подтянув сюда свои резервы, стабилизировать положение в районе Киева. Затем, перейдя в контрнаступление и разгромив противника, овладеть горо-

дом, а в дальнейшем ликвидировать данный плацдарм, восстановив тем самым свою оборону по Днепру. Эрих фон Манштейн, командовавший группой армий «Юг», значительно усилил свои группировки; наспех переброшенными силами он настойчиво пытался восстановить прежнее положение. Пятнадцатого ноября шестью танковыми дивизиями немцы перешли в контрнаступление в направлении шоссе Киев – Житомир. Буквально за неделю немецким частям удалось захватить город Житомир и вернуть себе часть территории на границе Киевской и Житомирской областей. Советские генералы в свою очередь также стали перегруппировывать войска, чтобы организовать прочную оборону. Для того чтобы отразить контрнаступление противника и усилить войска Первого Украинского фронта, на правый берег Днепра переправлялась Первая гвардейская армия. По ночам через Днепр тянулись бесконечные колонны различной бронетехники, людей, автомашин и конских повозок.

– Товарищ лейтенант!.. А как далеко нам еще идти? – задал вопрос своему новому командиру взвода Анатолий, когда от моста прошли еще несколько километров. – А то долго грязь месить как-то не очень хочется. Не мешало бы и отдохнуть, – подметил Дружинин, обращая внимание на то, как молодой офицер часто поглядывает на часы.

– Долго еще… долго! Как придем, так я вам первому об этом сообщу. А пока шагайте, товарищ рядовой, и не задавайте глупых вопросов. Сколько нужно, столько и будем идти, – строго ответил лейтенант, не желая объяснять новобранцу подобные мелочи. – Сейчас главная задача – быстрее до ближайшего леса добраться, – вглядываясь в чернеющую впереди колонны рощу, пробубнил себе под нос молодой офицер. Постоянно всматриваясь в небо, лейтенант заметно нервничал.

Этот маршрут колонна должна была пройти затемно – части дивизии запаздывали. И командиров не на шутку беспокоило обнаружение походного строя и техники немецкой авиаразведкой.

– А что, товарищ лейтенант?.. Сообщить, через какое время большой привал, – прямотаки военная тайна?! Мне хотелось бы хоть примерно знать, сколько еще километров по этой грязи ноги волочить! – возмутился Анатолий, недовольный ответом своего командира.

– Отставить разговоры в строю! – крикнул лейтенант. – Шире шаг! Не растягиваться! – отдал команду своему подразделению молодой офицер, ускоряя ход.

«Не понимаю, зачем он про лес говорит?» – пробормотал Анатолий, поправляя ремень карабина.

– Ты когда-нибудь с такими разговорами на неприятность нарвешься, – предупредил Дружинина Никифор, шедший с ним в одной шеренге.

– А что, ему запрещено говорить, когда у нас привал, или он думает, что пока наша колонна на дневке стоять будет, я успею сбегать к немцам и рассказать им, куда нас молодой лейтенант ведет?! Нелюдимый он какой-то! – негодовал Анатолий, сожалея, что непосредственный командир слишком строгий.

– Ну, знаешь, тут и постарше его офицеры есть. А командиров, как и родителей, не выбирают, какого назначили – будь добр, почитай. Тем более нам из всех офицеров чаще с ним встречаться придется. Так что лучше иметь командира-друга, чем командира-врага, – назидательно советовал Никифор.

– Я смотрю, ты прямо как философ рассуждаешь. В институте небось учился?

– Институт!.. Тоже скажешь. Так, с горем пополам семилетку закончил – и шабаш. Я бы и в первом классе со школы сбежал, если бы не отец. Порол он меня, как сидорову козу, – учиться заставлял. Только что толку, закончил семь классов – и в колхоз помощником бригадира работать отправили, вот и вся философия.

– А у меня отец погиб, когда мне всего шесть лет отроду было, но мать ремнем порола, наверно, не меньше, чем тебя твой папаша; вот, правда, учиться не заставляла. Мы же без

отца росли. А чтобы с голоду не умереть, работать приходилось, потому всего четыре класса и закончил.

– Воздух! Воздух! – послышалась предупредительная команда наблюдателей по колонне.

Здесь впервые Анатолий, как и многие его друзья, воочию увидел и на себе ощутил, что такое вражеский авианалет. Два немецких истребителя, обнаружив колонну, переваливаясь с одного крыла на другое, стали разворачиваться. Задрав голову, Анатолий наблюдал, как немецкие асы в красивом вираже заходят на курс для атаки его колонны.

– Твою мать!.. Какого хрена ты рот открыл и стоишь?! – кричал на него командир взвода, увидевший своего бойца, мирно наблюдающего за маневрами вражеских самолетов. – Вы что, не знаете, что нужно делать?! – орал он, сталкивая зазевавшихся людей с дороги.

– Так что делать-то надо? – невозмутимо спросил Анатолий. Только сейчас он заметил, что ездовые спешно уводят подводы прочь с дороги, а большинство опытных солдат разбегаются в разные стороны, открывая огонь из личного оружия по истребителям. Треск выстрелов по немецким самолетам загремел по всей колонне.

– Рассредоточиться всем! рассредоточиться! в лес бегом все! в лес! – разрывались в крике офицеры. В ярости они метались среди зевак, расталкивая любознательных новобранцев, решивших понаблюдать за действиями вражеской авиации. Раздраженные тем, что большинство молодых бойцов совершенно ничему не обучены, командиры негодовали. Пролетая над колонной в бреющем полете, «мессершмитты» обрушили на разбегающийся строй свинцовый град пушечных и пулеметных очередей, отрезвив тем самым беззаботные головы неопытных новичков. Ровные строчки смертоносного металла вспахивали сырую землю, раскидывая брызгами грязь. К ногам Дружинина упало несколько дымящихся гильз крупнокалиберного пулемета. Изо всех сил он рванул в сторону леса, где можно было укрыться за стволами деревьев. Вспоминая слова лейтенанта, только теперь он понял, про какой лес говорил офицер на марше. Достигнув спасительного укрытия, он со страхом в глазах наблюдал за каруселью смертельных атак, которую внезапно устроили им летчики люфтваффе. Обстреляв с нескольких заходов походную колонну из бортовых пушек и пулеметов, немцы для издевки помахали нашим солдатам крыльями и, выровняв в полете машины, безнаказанно улетели на запад. Командиры спешно стали собирать свои подразделения, рассредоточившиеся при атаке с воздуха вражеской авиацией.

По приказу Ставки верховного главнокомандования для маскировки перемещения войск на западный берег Днепра передвигаться личному составу и технике предписывалось только в ночное время суток. Не укладываясь в график, некоторые командиры позволяли себе нарушать данное распоряжение, за что могли понести жестокое наказание.

Построенным среди деревьев в две шеренги новоиспеченным бойцам командир роты, брызгаясь слюной, стал внушать азы боевой подготовки:

– Вас что, на курсах не обучали, что при налете вражеской авиации подается команда «Воздух!»? И что необходимо делать при этой команде – тоже не учили?! Так объясняю всем: если ваше подразделение во время подачи команды «Воздух!» находится на марше, то нужно, удаляясь от дороги в любое укрытие – яму, канаву или воронку, – открывать огонь по врагу из личного оружия. Или просто упасть мордой в землю и дождаться конца авианалета. Вам это понятно?! В том случае, если кроме атаки с воздуха на вас надвигается техника и живая сила противника, вам необходимо еще и окопаться, и чем глубже, тем лучше! Зарубите это себе на носу, – громко наставлял своих солдат командир, понимая, с кем он идет на передовую.

К утру следующего дня дивизия вышла на южную окраину города Киева, сосредоточившись в районе населенного пункта Вята-Почтовая. Полк, в котором служил Дружинин, еще не раз менял позиции. Его дивизия на короткий период передавалась в состав Сто седьмого стрелкового корпуса, раз за разом укрепляя и передавая без боя другим частям занятые

рубежи. Но двадцать первого ноября она вновь вернулась в распоряжение своего Девяносто четвертого корпуса и маршем отправилась по маршруту Святошино – Королёвка – Забубенье.

Чем ближе полки приближались к линии фронта, тем отчетливее и громче слышалась артиллерийская канонада, при звуках которой неистово трепетало сердце. Словно раскатами грома рокотала передовая, освещая вечернее небо багрово-красным светом. Что-то загадочно-зловещее ощущалось в этих глухих и раскатистых звуках, отчего, часто глядя на запад, Анатолий желал хоть одним глазом посмотреть, что же происходит там, на передовой.

Поздним вечером двадцать пятого ноября полки прибыли в район населенного пункта Строевка с новой боевой задачей: сменить потрепанные в боях части Тридцатой стрелковой дивизии. Здесь же, в Строевке, расположился и штаб Тысяча сто шестьдесят седьмого стрелкового полка.

Из-за недостатка тяговой силы и плохой проходимости дорог артиллерия отставала. Заметно сказывалась нехватка подвижных соединений. В связи с этим не все артиллерийские дивизионы прибыли на боевые позиции, чтобы огнем своих батарей поддерживать наступающие стрелковые батальоны. Отставала не только артиллерия, не поспевали и тылы, и снабжение. А фашист давил… Постоянно контратакуя, немцы пытались вытеснить наши войска с занятого плацдарма. По данным разведки, в полосе обороны Девяносто четвертого стрелкового корпуса действовали части дивизии СС «Дас Райх», Второй полк дивизии СС «Адольф Гитлер», части Седьмой танковой дивизии, а также части Двести сороковой пехотной дивизии вермахта. Противник в этом районе сосредоточил до двухсот танков и бронетранспортеров с мотопехотой.

Темное небо над юго-западной окраиной села периодически освещалось яркими лентами ракет. С разных сторон доносились звуки пулеметной перестрелки; редкие выстрелы артиллерийских орудий и разрывы снарядов громыхали в пахнущем гарью и еще неизвестно чем влажном воздухе осени. Передовая, на которую так торопился попасть Анатолий, была совсем рядом. Но что-то страшное и тревожное от этих звуков отзывалось в глубине души, а страшнее всего была неизвестность. Зябликова сразу забрали на пост ночного дежурства; распрощавшись, друзья расстались. Прибывших людей накормили ужином и распределили на ночлег по пустующим домам местных жителей.

В доме, куда определили Дружинина, печь уже была растоплена. На добротном столе, отливая латунным блеском, стояла коптилка. Сооруженная из артиллерийской гильзы, она скупо освещала помещение. В просторной, чисто выбеленной крестьянской хате с небольшими оконцами пахло жилым домом, здесь было уютно, тепло и сухо. Посреди комнаты – широкая печь. Дневальный, сурово насупив брови, обломком доски ковырял горящие дрова в пылающей топке. Поленья приятно потрескивали. В углу комнаты – потемневшая икона, покрытая белым с красными узорами рушником. Земляной пол устлан грубой ржаной соломой. Возле разожженной печи люди развесили мокрую от дождя одежду, стараясь просушить портянки и обувь. Уставший от бесчисленных маршей по бездорожью, под постоянно моросящим дождем, Анатолий стал устраиваться на застеленном грубой соломой полу. Свернувшись калачиком и подсунув под голову вещмешок, он сразу заснул.

Ранним пасмурным утром прибывших людей покормили завтраком и после построения телефонистов распределили по подразделениям, в которых они должны были поддерживать связь. Вскоре стрелковый взвод, в который попал Дружинин, вышел на окраину села, где полным ходом шли оборонительные работы. В траншеях Анатолий увидел Зябликова.

– Здоро́во, Никифор! – обрадовался он, увидев напарника. – Как ночь прошла, нормально?

– Нормально. Вот сейчас отдыхать пойду. Принимай пост, Толя! – крикнул Никифор, кивая на стоящий на краю траншеи телефонный аппарат. Дружинин успел перекинуться с другом всего парой слов. Поступил приказ обеспечить связь командира стрелковой роты

с командиром батальона. Анатолий, хватая катушку и телефон, сопровождая ротного, потянул за собой полевой провод из блиндажа комбата на передок. Командиром четвертой роты, к кому приставили Дружинина телефонистом, был недавно назначенный на эту должность лейтенант Кирдяпкин. Возрастом молодой офицер был лет двадцати, с небольшими серыми глазами на слегка вытянутом лице потемневшим от суровых фронтовых будней. Он высок, строен, по характеру вспыльчив, хотя в нужную минуту, как настоящий командир, сдерживаясь, умел овладевать собой. Но, как ни странно, внимание Анатолия привлек не командир роты, а командир стрелкового взвода. Им оказался худощавый паренек, всего-навсего на год старше Дружинина. Младший лейтенант, стараясь не терять командирской выправки, был туго перетянут ремнями; держался молодой офицер пристойно и подчеркнуто строго. Его карие глаза из-под свода узких бровей смотрели несколько нерешительно; изредка на сухощавое лицо набегала робкая, растерянная улыбка.

– Не отставать! Шире шаг! – оглядываясь назад, периодически подтягивал свое подразделение командир. Ступал младший лейтенант размашистой походкой, бодро, но неуверенно. Его новенькой, с иголочки форме, перетянутой скрипящими кожаными ремнями, можно было только позавидовать. Анатолий, разматывая провод, старался не отставать от командира, посматривая то на офицера, то на вращающуюся катушку.

Проходя по узкой просеке, батальоны повзводно приближались к передовой. Всего через десять минут ходьбы лесная дорога вывела стрелковые подразделения на опушку, за которой через поле виднелось украинское село колхоза «Лисица». На краю леса командир роты построил своих людей в четыре шеренги и, оглядев внимательно своих людей, удалился вдоль строя, приказав Дружинину оставаться на месте. Оставшись без командира, младший лейтенант забеспокоился. Заметно нервничая, он окинул взглядом лежащее через поле село и посмотрел на то, как вели себя командиры других взводов. Было заметно, что молодой офицер сомневался в своих действиях. На передке он был впервые, а здесь, в строю, в его подчинении среди новобранцев были и те, кто был старше по возрасту, и воевали эти люди на фронте не первый год. Это обстоятельство явно тяготило его – вдруг он сделает что-то не так?! Пауза несколько затянулась. Сам не зная для чего, младший лейтенант вновь взглянул на соседний взвод, сурово сдвинул к переносице брови и, собрав волю в кулак, командирским голосом прохрипел:

– Товарищи красноармейцы! Слушайте боевой приказ! Перед фронтом наших наступающих батальонов – населенный пункт, в котором расположились фашистские захватчики! Мы своим взводом в составе двух батальонов, охватывая село с разных сторон, идем в наступление! Наша боевая задача – выбить противника…

– В атаку! Вперед! – прозвучала команда приближающегося командира роты, прерывавшая речь младшего лейтенанта.

– Взвод, в атаку, вперед! – скомандовал младший лейтенант, поднимая вверх пистолет. Строй, подчиняясь приказу командиров, ощетинившись штыками, выдвинулся в атаку. Под ногами снова противно зачавкала промокшая от дождей земля.

Отматывая с катушки провод, Дружинин продолжал идти рядом с командиром роты и взводным, которые шли сзади, за основной цепью своих солдат. Периодически бросая взгляд то на село, то на нашу наступающую пехоту, Анатолий наблюдал, как по команде офицеров шеренги, растянувшись на открытой местности, медленно приближались к населенному пункту. Редкие окрики командиров вскоре замолкли, а напряжение, повисшее над извилистой цепью наступающей пехоты, повергло Анатолия в состояние смертельного трепета. В лицах молодых и таких же неопытных, как он ребят, просматривался ничем не прикрытый страх. Не выдерживая душевного напряжения, некоторые из них оглядывались назад. Под мелким моросящим дождем над полем повисла гнетущая тишина. Это была тишина, рвущая нервы. В ней Анатолий слышал ровный, как на параде, чавкающий по разжиженному полю шаг сол-

датских сапог и ботинок, шуршание сматывающегося с катушки провода и стук своего сердца. Каждый шаг приближал его к неизвестности, отчего хотелось любым способом увеличить это расстояние, но оно, вопреки его желаниям, сокращалось.

И вот, когда до населенного пункта осталось около трехсот метров, из немецких укреплений, расположенных на окраине села, по нашей приближающейся пехоте ударили из всех видов оружия. От неожиданности и страха Анатолий вздрогнул. Дыбом пред ним поднялась земля. Глядя на то, как рядом на землю падали его товарищи, он в испуге закрыл глаза и, как его учил непосредственный командир, также упал на землю, прижавшись к мокрой траве щекой. Боясь вздохнуть полной грудью, он открыл глаза. Перед его взором, прошитый пулями, падал на землю младший лейтенант: он как подкошенный вздрогнул, упал на колени, а потом, склонив голову, свалился набок. Через минуту под ним зардела темно-красная лужица крови. Впервые в жизни Дружинин с ужасом наблюдал, как взрывной волной невероятной силы солдат как щепки разбрасывало на десятки метров. Как осколками разрывало людей на части, отрывало конечности, а раненые, глядя на свои изувеченные тела, в ужасе извергали дикие крики. В нескольких метрах от него лежал солдат с распоротым животом. Какими-то обезумевшими от страха глазами он осматривал лежащих рядом с ним людей. Как будто боясь, что кто-то увидит, что с ним произошло, молодой боец сгребал под себя руками свои окровавленные внутренности вместе с разорванным обмундированием, травой и грязью. Анатолий, скованный страхом, глядел на все происходящее вокруг и не понимал, что ему надо делать. Страшные увечья и людскую смерть так открыто он видел впервые. Гудела и стонала от разрывов земля, разрывающие сердце крики о помощи и стоны раненых погрузили его в ад, какого он ранее не видел и не представлял. Свист пуль, визг и разрывы летящих откуда-то сверху мин, взрывы артиллерийских снарядов порождали желание как можно глубже зарыться в землю.

– Вот сейчас! вот! вот! вот сейчас и меня убьют! вот сейчас! – шептал он, отчаявшись.

Сверху на спину и голову продолжали сыпаться куски земли и вырванные взрывами корни полевой травы. Все поле заволокло едким дымом, отчего неприятно щекотало в носу, сбивало дыхание. Какие только картины своего первого боя не рисовал в уме Анатолий и как только не представлял себе его с первых дней, как объявили войну, но такого ужаса он не мог представить даже в жутком сне. Мечтал Анатолий о том, как он будет ходить в разведку, как будет брать «языков» и как, проявляя образцы героизма, будет свершать подвиги, за что непременно будет отмечен наградами. Но это было там, далеко от передовой, а на самом деле здесь все оказалось иначе. Ужас представшей перед глазами картины вверг его в состояние лихорадочной дрожи. Зубы от страха и холода выбивали мелкую монотонную дробь. Казалось, что тело стало трясти и подбрасывать от земли так, что это было видно даже врагу из его укреплений. Пытаясь удержаться, Анатолий стал цепляться за сырую землю руками. Какая-то сила сковывала все тело, и оно отказывалось подчиняться сознанию. Медленно поворачивая голову, Дружинин стал осматриваться вокруг себя – никого из живых не трясло и не подбрасывало так, как его.

Минометный и артобстрел со временем стихли, лишь изредка противно стучал пулемет, когда кто-то на поле подавал признаки жизни. Анатолию казалось, что все поле усеяно трупами, а в живых осталась лишь горстка людей. Где-то рядом, справа от него, гремела канонада, шел бой. Но здесь, на поле, теперь стояла мертвая тишина. Он насквозь промок, шинель, пропитанная дождевой водой, набухла и казалась необыкновенно тяжелой.

Люди, имевшие за плечами боевой опыт, давно сползли в образовавшиеся от снарядов воронки, в которых можно было укрыться от пуль и осколков. Но Анатолий, боясь пошевелиться, до боли в животе вжался в землю и, притворившись мертвым, продолжал лежать на открытом поле; сохранить себе жизнь таким образом ему казалось надежней. За ненадобностью рядом лежали его телефонный аппарат с оборванным взрывами полевым проводом и карабин, из которого даже при желании невозможно было выстрелить. Не дождавшись под-

держки своей артиллерии да периодически прижимаясь еще сильнее к земле, когда оживали вражеские пулеметы, Дружинин пролежал в поле, пока не стемнело.

Когда наступившая ночь скрыла красноармейцев от вражеских глаз, подбирая время между пусками осветительных ракет и пулеметными очередями, люди стали ползком выбираться на опушку леса, откуда началась их роковая атака. Унылой цепью потянулись в тыл раненые. Для кого-то из них, едва успев начаться, война уже закончилась, а кто-то, подлечившись, вернется снова в строй, чтобы вновь и вновь подниматься в атаки, преодолевая в себе удушающий страх. С сожалением Анатолий смотрел вслед угрюмой веренице людей, не зная, кого больше жалеть: убитых на поле боя солдат или их – страдающих от невыносимых болей раненых. Немного успокоившись и осмотревшись вокруг, он понял свою ошибку: там, на поле, ему только показалось, что в живых осталась горстка солдат, – это было не так. Постепенно к окраине леса стало стягиваться все больше и больше насквозь промокших и дрожащих от холода бойцов. Анатолия поражало то, что, опустившись в самые глубины ада, столько людей смогло остаться в живых.

В темноте леса Анатолий увидел ротного. Легко раненный в руку Кирдяпкин сидел на заваленном дереве, ругая на чем свет стоит нашу артиллерию и командиров. Заметив рядом с собой Дружинина, он приказал ему немедленно наладить линию связи. Анатолий сравнительно быстро нашел повреждение и через несколько минут на другом конце провода услышал голос своего коллеги. После перевязки, собрав волю в кулак, лейтенант стал разговаривать с командиром батальона. Не скупясь в выражениях, офицер решил не только доложить обстановку, но и выразить свое мнение о проведенной операции, на что вскоре получил не менее красноречивый ответ и мудрый совет от старшего по званию и должности «придержать своих вороных…». Эмоции раздраженного лейтенанта несколько поостыли, и теперь в его речи все чаще стали звучать фразы «Есть!» и «Так точно!». С блиндажа комбата поступил новый приказ: возвращаться на прежний рубеж.

В отличие от бывалых бойцов, новобранцы еще долго приходили в себя, прежде чем стали осознавать, что с ними произошло. Обдумывая произошедшее, Анатолий понял, что человеческая жизнь на войне ничего не стоит. Как кинопленка, резко оборвалась его мирная жизнь, и теперь на огромном экране явилась взору жуткая картина войны. Те, кто несколько часов назад были рядом, теперь навсегда остались на этом проклятом поле. По роковому стечению обстоятельств здесь погибли никогда не унывавший рыжий Сашка и баянист Семён.

Многое с годами забудется, сотрется из памяти, но свой первый бой Дружинин запомнит на всю свою долгую жизнь. А сейчас здесь, в глубине леса, оставшиеся в живых приводили себя в порядок, перевязывали раненых да с ужасом поминутно вспоминали этот трагически прошедший день.

Отчаянная атака

Пытаясь выдавить советские войска с занятого плацдарма, противник в направлении на Киев стягивал все больше и больше техники и людских резервов. Сюда же, к передовой, со всех концов нашей страны – из Средней Азии, с Дальнего Востока и из Сибири – прибывали все новые и новые эшелоны пополнения. Здесь, за Днепром, с той и с другой стороны фронта в жерновах адской машины перемалывались тысячи человеческих жизней.

Часть пополнения полка состояла из призывников из Средней Азии – это была в основном молодежь из Узбекистана и Туркмении.

– Как те ребята, кто не понимает русского языка, будут выполнять команды? Трудно им будет в боевой обстановке, пока научатся, – сокрушался Анатолий, обращаясь к Никифору, когда поздно ночью после первого в своей жизни боя взвод выдвинулся на новые позиции.

– Ничего… научатся. Ты же свой первый урок пережил?!

– Да! Теперь я твердо знаю, что при любом обстреле или бомбежке мордой в землю падать надо и глубже зарываться, да при этом еще и надеяться, что тебя не ранят или, хуже того, не убьют.

– Ну вот, видишь, кое-чему ты уже научился, а в бою-то был всего один раз.

– Мне этого сегодняшнего раза на всю жизнь хватит. Сколько буду жить, столько и помнить буду.

– Подожди, даст бог, еще насмотришься. Не забывай, что мы не на праздник приехали. Живы будем – думаю, нам еще и не такое придется увидеть.

– Ну спасибо на добром слове! Вот в чем ты велик, Никифор, так в том, что друга нужным словом в трудную минуту поддержать умеешь. А самое главное, я по адресу обратился.

– Пожалуйста. Если что, обращайся, всегда буду рад помочь.

– Я вообще-то беспокоился по поводу этих ребят, – кивнул Анатолий в сторону таких же, как он, новобранцев.

– Эти тоже военному искусству обучатся – кому повезет в живых остаться.

– Вот и дело в том – кому повезет?!

– Смотри, что мне вчера один старый связист подарил, – вдруг радостно воскликнул Никифор и вытащил из висевшего на поясе чехла коротко обрезанный и заостренный штык от трехлинейки.

– Ух ты! Хорошая штука для связиста! – удивленно воскликнул Анатолий. – Целый штык таскать неудобно, а с этим совсем другое дело! Тем более и чехол есть.

– Оказывается, раньше солдатам такие кожаные чехлы выдавали, чтобы на винтовке штык не таскать. Только потом этот приказ отменили. Знаешь, этот служивый рассказал мне, что его товарищ с полковым кузнецом за сахар договорился, чтобы тот им штыки обрезал и заточил. А чехлы он тоже где-то раздобыл, и они их под размер короткого штыка сами потом перешили.

– А товарищ твоего служивого куда делся, его что, убило?

– Нет, тяжело ранило. В госпиталь его друга отправили, на фронт он уже не вернется. Жаль, говорит, шустрый приятель был, с таким, как он, в жизни не пропадешь. Вот его штык он мне и подарил. Представляешь, я его совсем не знаю, а он мне с первой встречи подарок такой преподнес. Во дела!

– Да, история, – Анатолий похлопал Никифора по плечу.

Зябликов теперь шагал рядом, и Дружинин был рад тому, что они снова вместе.

Выяснилось, что вновь назначенный вместо убитого младшего лейтенанта командир стрелкового взвода оказался земляком и хорошим знакомым Никифора. Прибывший на фронт в июне сорок третьего года молодой офицер уже успел повоевать, был даже ранен, но после

госпиталя опять вернулся на фронт. Пока взвод шел на свой рубеж обороны, земляки накоротке перекинулись обоюдными новостями.

Линия обороны полка была еще не настолько прочной, чтобы бойцы могли беззаботно приступить к своим обязанностям; друзьям пришлось еще долго трудиться саперными лопатками, прежде чем обустроиться на новом месте. Осваивая окопный быт, они до полуночи подготавливали себе ровики, соединяя их в общую извилистую траншею. Основная задача оставалась прежней: поддерживать связь командира роты с комбатом.

Утро следующего дня после завтрака продолжилось коротким артобстрелом немецких позиций. Как только отгремели последние залпы дивизионных орудий, в атаку поднялась наша пехота.

– Короткими перебежками – правый фланг, вперед! – поступила команда, и командиры отделений принялись поднимать людей в атаку. Часть солдат, перемахивая через бруствер, начала покидать траншеи. Небольшая сумятица, возникшая среди тех, кто плохо понимал русский язык, заставила командира взвода самому подключиться к организации атаки. Наконец, разобравшись, новобранцы выбрались из укрытий и короткими перебежками стали перемещаться в сторону немецких позиций.

Оправившись после нашего артобстрела, теперь ожили пулеметы и минометные расчеты врага. Несколько мин легли за линией нашей обороны. Но противный вой с каждой секундой стал нарастать, и вражеские снаряды стали разрываться все кучней и ближе, стремительно приближаясь к траншеям. Вот уже клубы вонючего дыма окутывают близлежащее пространство, а несметное количество смертоносных осколков с противным свистом пронизывает сырой воздух, вспарывая бруствер земляных укреплений. Поправив расчеты, немецкие минометчики перенесли огонь на линию, находящуюся впереди нашей обороны. Анатолий, пригибаясь при каждом разрыве, наблюдал, как мины стали рваться в рядах нашей атакующей пехоты.

– Ах ты ж, нечисть фашистская… – выругался он на врага, переживая за однополчан, попавших под минометный обстрел. И тут краем глаза он обратил внимание на Зябликова. Тот настойчиво дул в трубку телефона, ощупывая клеммы.

– Что случилось?

– Толя! У нас обрыв, – взволнованно сообщил Никифор, стряхивая с шинели куски земли. – Я побежал исправлять линию, – крикнул он, на ходу поправляя на спине закинутый карабин.

«Ага, побежишь!.. Здесь ползти – и то опасно, а ты побежишь», – подумал Анатолий, периодически вжимаясь в свой обустроенный накануне ровик. Нервно отсчитывая вслух секунды, он с нетерпением ждал возвращения напарника, наблюдая за полем боя и действиями первого взвода оказавшегося рядом.

Бойцы тем временем залегли. Теперь младшему лейтенанту, убедившемуся, что его подразделение в полном составе покинуло траншеи, требовалось правильно организовать атаку залегшего взвода; выждав паузу, взводный забрался на бруствер. Но не успел командир сделать и шаг, как за его спиной разорвалась вражеская мина. Младший лейтенант упал на край траншеи и, корчась от боли, стал скатываться вниз, зажимая правое плечо рукой.

– Санитара сюда! Санитара! Взводного ранило! – закричал один из бойцов пулеметного расчета. По окопу к раненому командиру стал пробираться санитар Сулейменов. Усиливая натиск, немцы начали артобстрел. Засвистели снаряды, вспахивая и поднимая вверх сырую землю. Атака нашей пехоты захлебнулась, бойцы возвращались на свои позиции, стаскивая в траншеи раненых.

– Ничего, товарищ младший лейтенант, мы еще повоюем. Рана не смертельная, навылет, – приговаривал Сулейменов, ловко перебинтовывая раненого офицера. Обстрел постепенно затихал. Анатолий наблюдал, как санитар помогал перевязанному взводному встать и идти, не понимая, как тот при таком ранении мог самостоятельно передвигаться. Осколок,

зайдя младшему лейтенанту под лопатку, навылет вышел в районе ключицы. Но, вопреки предположениям Дружинина, командир в сопровождении санитара, ссутулившись и прижимая подвязанную руку к груди, медленно пошел в сторону медсанбата. Неожиданно на связь для ее проверки вышел Зябликов. «Слава богу», – подумал Анатолий и облегченно вздохнул. Вскоре появился и сам Никифор.

– Ну вот и я. Как ты тут? Живой?! – спросил напарник, лихо спрыгивая в траншею.

– Быстро ты! Я думал, что не скоро вернешься, – обрадовался пришедшему другу Анатолий.

– Миной провод порвало, вот тут, недалеко от нас, – махнув рукой в сторону тыла, похвастался о выполненном задании Никифор.

– Ты знаешь, что произошло, пока тебя не было? – спросил Анатолий, глядя в распаленное лицо напарника.

– А что тут произошло? – нахмурив брови, удивился Никифор.

– Взводного ранило, санитар его в медсанбат повел. Теперь твоего земляка опять в госпиталь отправят, – поспешил сообщить ему Анатолий. – И как он только при таком ранении в живых остался, да еще своими ногами пошел? – не переставал удивляться Дружинин.

– Да ты что?! Моего земляка, Саню?.. Ранило?! Да не может быть! – Никифор не верил словам Дружинина.

– Чего мне врать? Я сам лично видел, как мина разорвалась и как он упал раненый. А потом санитар перевязал его и в медсанбат повел… вот только что, – Анатолий указывал рукой в сторону тыла, куда увели раненого командира взвода.

– Во дела! Слушай, Толя, можно я сбегаю попрощаюсь с земляком? А?! Его наверняка в госпиталь отправят. Когда теперь с ним свидеться придется? Я быстро! Одна нога здесь, другая там, – заявил Зябликов и, не дожидаясь разрешения, побежал вслед за удаляющимся от передовой младшим лейтенантом. Санитары продолжали перевязывать раненых, уносили и уводили их в медсанбат. Убитых бойцов сносили в отдельные щели, накрывая плащ-палатками. Анатолий смотрел еще детскими глазами на этот ужас, кровь, страдания и смерть, осознавая, что такое война.

– Немцы!.. Всем занять свои позиции!.. – услышал команду Кирдяпкина Анатолий и насторожился. С переднего края немецких траншей показались танки и бронемашины; растянувшись за ними цепью, уверенно двигалась пехота. Атаку врага Дружинин видел впервые, по телу пробежали мурашки. С облегчением вздохнул, когда увидел прибывшего на пост Никифора, с ним он чувствовал себя увереннее. Сверкая огнями стволов, заговорили башенные орудия немецких танков. Над головой со свистом пролетело несколько осколочно-фугасных снарядов. Опять разрезаясь металлом, застонала земля. В ответ на атаку врага заработала и наша артиллерия, с глухим звуком выплевывали свой груз минометы.

– Подвинься, – обратился к Анатолию Никифор, спрыгивая в траншею. Только Дружинин подвинулся, чтобы выслушать друга, как среди грохота стрельбы и разрывов рядом с их ровиками раздался хлопок разорвавшейся мины.

– Ой… – тут же вскрикнул Зябликов, хватаясь за правый глаз. Из-под ладони потекла струйка крови.

– Что с тобой? – повернулся к нему Анатолий, пытаясь убрать в сторону его руки, которыми он зажимал рану.

– Сука… – матерился Никифор, мотая головой.

– Дай я посмотрю, что там у тебя, – торопился Дружинин, вытаскивая из кармана товарища перевязочный пакет. С трудом он успокоил раненого, и, когда Зябликов наконец убрал руки, Анатолий увидел на его лице вместо глаза зияющую рану. Сердце сжалось от боли.

– Что там? Глаз выбило, да? – требовал ответа Никифор. – Чего ты молчишь? Я им ничего не вижу! – негодовал его товарищ, морщась от боли. Невольно Зябликов руками пытался нащупать глаз, чтобы определить степень ранения, мешая Дружинину наложить ему повязку.

– Да не дергайся ты, дай я тебя спокойно перебинтую, – настаивал Анатолий, делая перевязку. Трудно было подобрать слова, чтобы как-то поддержать напарника. – Я не думаю, что тут что-то серьезное, просто кровью все затекло, вот глаз и не видит, – успокаивал его Дружинин, понимая, что глаз Никифор потерял навсегда. После перевязки Зябликов несколько успокоился и, казалось, уже смирился с тем, что произошло.

– В медсанбат тебе надо, Никифор, – заботливо порекомендовал Анатолий, заправляя повязку на его голове, – не дай бог, заражение начнется. С этим шутить не стоит.

– Да, надо идти, – невесело согласился Зябликов и с какой-то необыкновенной тоской посмотрел на Анатолия здоровым глазом. – На-ка вот, Толя, возьми себе на память, – предложил вдруг Никифор. Он расстегнул ремень и стал снимать с него обрезанный чехол для четырехгранного штыка. – Сам штык вóткнут под нулевой провод там, у телефонного аппарата, – поникшим голосом произнес Зябликов.

– Ладно тебе, Никифор. Он еще тебе самому пригодится, – пытался из вежливости отказаться Анатолий, – подлечишься в госпитале и вернешься. Чего ты сразу отчаиваешься и раздаешь нужные тебе вещи?

– Нет, Толя, комиссуют меня. Если бы левый, а то правый глаз выбило. Вряд ли я вернусь теперь на передовую. Бери… тебе он больше пригодится, чем мне, – настаивал Никифор, протягивая кожаный чехол. – Представляешь… а я у того связиста даже имени не спросил, – с сожалением произнес он.

После дежурных фраз и невеселых прощаний Никифор отправился в медсанбат. Только теперь Анатолий понял, что друг спас его от ранения или, хуже того, от смерти. Не попроси Никифор подвинуться, осколок принадлежал бы ему. По телу вновь пробежала легкая дрожь.

Бой продолжался; дивизионная батарея огнем своих орудий уже подбила бронетранспортер, и он, застыв на поле с пробоиной в передней части, коптил небо черно-серыми клубами едкого дыма. Резко дернулся и застыл на месте подставивший нашим артиллеристам свой украшенный крестом бок танк Т-3; прижатая к земле артминометным огнем вражеская пехота медленно попятилась назад.

Первый взвод, приготовится к атаке, – послышалась команда ротного. – Так боец – неожиданно обратился он к Дружинину, – ты тоже идешь в атаку. Будешь рядом с сержантом Артюшиным. От него ни на шаг не отставать! Понятно?!

– Так точно, товарищ лейтенант, – выпалил Анатолий, забирая с собой из траншеи телефон и катушку.

– В атаку, вперед! – прокричал Артюшин, заменивший на время командира взвода. Бойцы один за другим стали выбираться из траншей и короткими перебежками рванули в сторону атакующих немцев. Анатолий вместе с сержантом выбрался за бруствер и, не отставая от командира, двинулся в атаку. Рвались мины, свистели осколки и пули, но он, то падая на землю, то поднимаясь вновь, продвигался вперед. Фашисты, ожесточенно сопротивляясь, отступали.

Вот и крайние хаты северо-восточной части села Лисица; немцы, укрываясь за стенами домов и хозяйственными постройками, упорно отстреливаются. Там, где возможно, они используют окна зданий как амбразуры дотов. Темп атаки заметно стал спадать. Дружинин неотступно следует за Артюшиным, наблюдая, как он, быстро ориентируясь в обстановке, успевает отдавать команды и стрелять короткими очередями из своего ППШ. Укрываясь от усилившегося огня противника, они с сержантом ворвались в один из дворов. Артюшин неожиданно пропал из вида, и Анатолий стал осторожно пробираться среди саманных сараев. Сзади грянул взрыв, Дружинин невольно оглянулся назад, а когда повернул голову обратно, обомлел:

он чуть не уперся в спину немецкого солдата. Кожаные ремни портупеи поверх серой шинели, ранец и ребристый цилиндрический футляр противогаза оказались прямо перед его глазами. С карабином на изготовку фриц пятился назад. Растерявшись от неожиданной встречи, держа в правой руке карабин, а в левой – катушку с проводом, Дружинин замер. Упершись взглядом во вражеский затылок, Анатолий что-то хотел закричать. Он уже раскрыл рот, напряг мышцы гортани… но тут фашист резко повернулся, и на миг они встретились глазами. В растерянности Дружинин продолжал стоять перед фрицем с раскрытым ртом; язык прилип к нёбу, и им невозможно было пошевелить. Жизнь Анатолия здесь бы и оборвалась, если бы вовремя не подоспел Артюшин. Короткой очередью сержант скосил фашиста, и фриц, прошитый пулями автомата, разворачиваясь вполоборота, упал.

– Рот не разевай, боец, пока тебя как куропатку не подстрелили, – злобно бросил Артюшин, продолжая крутить головой, как сова. Немцы, оправившись, усилили огонь, и наша пехота, отстреливаясь, попятилась назад.

– Напирает, сука… – выругался сержант, бросив из-за угла дома гранату. – Отходим! – подал он команду, продолжая палить из ППШ. Подбирая раненых, батальоны стали отступать на прежние позиции. Немец осыпал отходящую к своим траншеям пехоту градом мин и снарядов, так что казалось, живым до своих рубежей уже не добраться. Но вот и спасительная линия нашей обороны. Анатолий под громкие крики, мат, поминание Гитлера, черта и его матери спрыгнул в спасительную траншею. Отдышавшись и установив телефон, он присел на корточки, чтобы перевести дух. Перед глазами то и дело мелькало лицо немецкого солдата.

«Не зря Бондарев говорил: не убьешь ты – убьют тебя», – вспомнил Анатолий наказ сержанта в Тоцком учебном лагере.

– Командирам отделений доложить о погибших и раненых, – дал команду Артюшин, бросив сочувственный взгляд на Дружинина. Анатолий поднялся на ноги, понимая, что, не окажись рядом сержанта, он остался бы трупом там, на окраине села.

– Что, связист, растерялся?! – воскликнул Артюшин, но уже не так злобно, как во дворе дома.

– Да, товарищ командир, сробел малость, – признался Анатолий, стыдясь осуждения.

– Страшно, говоришь?.. Ничего! Это первый раз так, когда лицом к лицу с фашистом встречаться приходится! Не бзди! Знай, что фриц нашего брата боится поболее, чем ты его. И это потому, что не мы к нему в дом с войной пришли, а он к нам приперся. Мы с тобой за свою землю воюем, за матерей, за сестер да детишек своих, потому и правда за нами. И он – фашист – знает это дело! Оттого и страшнее ему, чем тебе, – давал наставления Артюшин, прищуривая глаза.

Была в этих глазах и ненависть к врагу, и какая-то отеческая забота к неопытному Дружинину. Слушая его, Анатолию уже не было так стыдно за свою растерянность.

– Ты взрывов да свиста пуль шибко не пугайся. Если их слышишь – они не твои. Свою пулю ты не услышишь, – смеясь, закончил свою речь сержант, и его смех развеселил людей. Посыпались шутки, присказки, уже никто не обращал внимания на обстрел. Обернулись бойцы, когда заметили идущих на позиции молодых солдат в сопровождении политрука.

Капитан лет тридцати пяти шел уверенной поступью, невзирая на затихающий артминометный обстрел. Во всем его облике просматривался образ бывалого воина. На его фоне шагающая впереди молодежь выглядела совсем не по-военному. Анатолию показалось, что кого-то из них он вчера уже видел в составе этого взвода. Безоружные, они по проходу прошли в траншею и, скучившись, сконфуженно стояли, переминаясь с ноги на ногу. Анатолий сразу и не понял, что произошло; в недоумении он смотрел то на стоящего рядом с ними капитана, то на растерянных бойцов. Лица этих людей бледны; понурив головы, они стыдливо отводят глаза.

Анатолию самому стало как-то неловко в этой ситуации. Не знал он, что некоторые из вновь призванной молодежи после вчерашнего боя в испуге разбежались по окрестностям лесного массива. Командованию об этом происшествии стало известно. И уже утром для несения заградительной службы и прочесывания леса командиром полка из взвода автоматчиков был создан заградительный отряд в количестве двадцати человек. Перепуганных людей долго искать не пришлось. В страхе сбежавших с передовой бойцов отряд обнаружил тут же, в лесу. По закону военного времени их, конечно же, могли привлечь к трибуналу. Но не стали ни комполка, ни политрук вершить над ними суд за временную слабость и малодушие. Для начала их в штабе полка отчитали, как нашкодивших первоклассников, а потом капитан привел их непосредственно в траншеи. Стоя перед однополчанами, солдаты, краснея от стыда, прятали глаза.

Кирдяпкин, как положено по уставу поприветствовал капитана и доложил о положении дел в роте.

– Здравия желаю, Федор Васильевич, – поприветствовал командира роты политрук, крепко пожимая лейтенанту руку. – Как жарковато у вас сегодня? – задал он улыбаясь вопрос, кивая в сторону немцев.

– Да, товарищ капитан, жарковато, – соглашаясь ответил Кирдяпкин.

– Что беглецов вчерашних привели, – спросил лейтенант, указывая на скучившихся бойцов.

– Да привел, – вздохнув ответил политрук и поправив шапку обратился к присутствующим.

– Товарищи красноармейцы и командиры, – после приветствий громко обратился ко всем политрук полка, – прошу обратить внимание вот на этих товарищей, – указывал пренебрежительно рукой капитан на стоящих рядом с ним новобранцев, – перед вами стоят далеко не герои и не доблестные воины Красной армии, а наоборот, трусы и, я бы сказал, дезертиры. Эти люди, подвергнувшись панике и малодушию, после вчерашнего боя позорно сбежали с передовой. Проявив трусость, они предали своих товарищей, то есть вас всех, кто здесь находится, – в знак подтверждения своих слов капитан обвел рукой присутствующих в траншее людей. – Более того: они предали свою Родину и весь наш советский народ, наших матерей, отцов, сестер и братьев. Стыд и позор! Они опозорили честь наших доблестных воинов, тех, кто, проливая кровь в борьбе с фашистскими захватчиками, не щадя своей жизни, защищает нашу Родину. Командованием и партийным руководством полка, а также руководством комсомольской организации принято решение вынести этот вопиющий случай на всеобщее обсуждение, – ровным и уверенным голосом произносил свою речь капитан. – Вот как вы, товарищи, решите, так и будет. Судьба этих людей в ваших руках: решите предать их суду трибунала – значит, они пойдут под трибунал. Оставите на поруки – значит, здесь, в траншеях, рядом с вами они будут кровью искупать свою вину.

Поставив вопрос на обсуждение, капитан прекрасно знал, что вряд ли найдется в роте или даже в батальоне тот человек, кто этих еще не обстрелянных в боях пацанов отправит под суд. Но для порядка и в назидание провинившимся требовалась такая процедура.

Стоя рядом с капитаном, ротный, как показалось Дружинину, был осведомлен в затее политрука. Скрывая улыбку он умышленно молчал, давая возможность бойцам самим во всем разобраться.

– Товарищ капитан, – первым подключился к обсуждению сержант Артюшин, – я думаю, они вовсе и не струсили. Просто пацаны растерялись в первый в своей жизни день на передовой. Они же еще, так сказать, не обстрелянные… ну что с них взять? – с пониманием и со снисходительностью заступился за молодежь опытный фронтовик. – Первый в своей жизни бой тяжело выдержать. Вы же сами знаете, товарищ капитан, – перемещая за спину автомат, убедительно говорил сержант.

– Конечно… молодые еще, растерялись. С кем не бывает?.. – стали заступаться за молодежь бывалые фронтовики.

– Знаю, что тяжело, но другие же не сбежали, – для правдоподобия задуманного спектакля продолжал настаивать политрук.

– Товарищ капитан, что нам их осуждать? Наверняка они уже осознали свою ошибку и готовы искупить свою вину. А мы постараемся помочь им, поддержим ребят… Что их под трибунал-то сразу – необстрелянных? – подключился к защите командир отделения роты связи Мендрик. – Пусть они сами покаются в содеянном и, взяв в руки оружие, бьют врага вместе со всеми, – предложил он.

– Но они же молчат! – возмутился капитан, – может, они и не хотят воевать! – умышленно подводил разговор политрук к тому, чтобы опереться на осознание вины сбежавших с поля боя.

– Чего вы молчите, как в рот воды набрали? – стал напирать на новобранцев Мендрик.

– Осознали мы… Искупим вину… Будем бить фашистов… – неуверенно затараторили беглецы.

«Ну наконец-то. Что и требовалось доказать», – вздохнув, подумал капитан, но виду, что доволен происходящим, не подал.

– Так, с вами понятно. А как вы, товарищи, к этому отнесетесь? Простим их на первый раз или все-таки пусть ответят, как положено по закону?.. – окидывая взглядом бойцов, строго спросил капитан.

– Конечно, надо простить… Присмотрим за ними… Пусть берут в руки оружие и идут бить фашиста… Конечно, пусть остаются и идут воевать… – загудела траншея.

– Значит, так тому и быть, – решил капитан и в знак согласия покачал головой. – Ну смотрите!.. – погрозил он по-отечески пальцем. – Имейте в виду: это в первый и в последний раз. Пощады вам больше не будет. Скажите спасибо вашим товарищам, что они поручились за вас.

– Идите получайте свое оружие – и в бой, – распорядился политрук.

– Есть получить оружие, – в один голос прокричали на радостях беглецы и со всех ног рванули к оружейному складу полка. Воодушевленные благополучной развязкой, люди ободрились. Под шутки и смех зашелестела газетная бумага, стали закручиваться цигарки.

– Товарищ капитан, может, нашего табачка закурите? Наша-то махорочка солдатская поядреней ваших папиросок будет, – с улыбкой предложил политруку Артюшин и протянул кисет.

– Ну что же, если так хорошо предлагаете, не откажусь, – засмеялся капитан, принимая угощение. – Табачок хороший… Да! До печенок достает…

Посыпались шутки солдат, довольных тем, что политрук никогда не чурался общения с простыми людьми. Любили его бойцы, он им был как отец родной, заботился, за их спины не прятался; бывало, и сам поднимал солдат в атаку. В период затишья не донимал их лишней политической болтовней, не изрекал патриотических лозунгов и призывов к самопожертвованию с нагромождением громких и непонятных фраз. Говорил простым, доступным каждому солдату языком и, самое главное, горячку никогда не порол. Вот и сегодня капитан постарался сделать все, чтобы не отправлять еще не обстрелянных пацанов в штрафную роту, а решить этот вопрос проще, на месте, в траншеях.

Еще дважды батальоны поднимались в отчаянные атаки, и дважды приходилось возвращаться на исходные рубежи, увеличивая число раненых и убитых. Но теперь Анатолий чувствовал себя уверенней. Тверже и решительней стали его мысли и действия. Страх несколько притупился, да и не так часто он стал кланяться взрывам, свисту пуль и осколков.

Во второй половине дня с тыла вдруг послышался быстро нарастающий надсадный гул моторов. Дружинин повернул голову назад – дымя выхлопными газами, к траншеям приближалось три наших танка.

– Ну что, товарищи… проверим на вшивость фашиста?! – задорно крикнул появившийся в траншеях комбат. – Четвертая рота, приготовиться к атаке! – приказал старший лейтенант, продолжая оценивать боевую обстановку. Восточные черты лица выдавали в нем степняка. Анатолий услышал в речи комбата знакомый акцент. «Скорее всего, мой земляк», – подумал он.

Борамбай Тулепов действительно был казах по национальности, но родом из далекой Омской области.

Увидев командира батальона, Анатолий засуетился. Ему все время казалось, что он не справится с должностью телефониста. Одно дело, когда рядом с тобой сержант, а другое – командир батальона; стыдно будет перед людьми, если у него не получится, а тут, как назло, Никифора тяжело ранило – с ним было надежнее. Рядом с комбатом в траншее появился лейтенант из полковой артиллерии.

– Связист с тобой? – обратился комбат к лейтенанту-артиллеристу.

– Так точно! Он сейчас будет, – заметно волнуясь, ответил лейтенант. Очевидно, телефонист задерживался, и лейтенант нервничал перед командиром.

– Злости не вижу в твоих глазах, солдат, взбодрись, не на прогулку идем, – выпалил комбат и хлопнул Анатолия по плечу. – Сейчас тебе напарника дадут, он будет рядом с лейтенантом из полковой артиллерии, а ты со мной. И смотри, от меня ни на шаг! Будешь держать связь с командиром полка! Понял?

– Так точно, товарищ старший лейтенант! Быть рядом! – отчеканил Дружинин, сдерживая волнение. Прибежавший из штаба батальона связист передал ему другую линию. Накинув через плечо ремень телефонного аппарата и держа в руках новую катушку, Анатолий ожидал дальнейших распоряжений.

– Ну и где ваш телефонист, товарищ лейтенант?! Немедленно обеспечьте себе связь! – разгневавшись, требовал Тулепов. – Немцы что, будут ждать, пока ваш связист придет?! – не унимался комбат.

– Понял! Товарищ старший лейтенант, сейчас будет, – козырнул артиллерист, убегая в блиндаж. Через секунду из бревенчатого укрытия, поправляя шапку, выбежал боец, которого лейтенант вслед осыпал бранью за нерасторопность.

– Илья, – тихо сказал солдат, протягивая Анатолию мягкую, по ощущениям совсем не мужскую руку. Дружинин не сразу понял, что сказал ему напарник.

– Илья меня зовут, – улыбнулся боец.

– Толя.

– Анатолий, значит. Будем-таки знакомы…

– Приготовиться к атаке! – громко огласил приказ Тулепов, запихивая пистолет в кобуру. Теперь в руках офицера красовался новенький ППШ, а его кожаный поясной ремень тяжело оттягивали запасные диски. Анатолий, преодолев растерянность перед офицером, настроился на очередной рывок.

– В атаку! Вперед! – как гром прогремела команда. Пропустив танки, рота ринулась в бой. Дружинин вместе с новым напарником под свист пуль рванули по полю короткими перебежками.

Анатолий не осознавал ни себя, ни своих действий, страх куда-то исчез, и только одна-единственная цель стояла перед ним: добраться живым до позиций врага, а там ворваться в его траншеи и…

Рядом с комбатом, то падая на землю, то перемещаясь по-пластунски, то поднимаясь вновь, он прокладывал кабель, обеспечивая связь. Нестерпимо мешали передвигаться висевший сбоку телефонный аппарат и катушка, которую он тянул за собой, сматывая с нее провод. Каждая секунда на открытом поле под градом вражеских пуль, мин и снарядов казалась Анатолию такой длинной, как вся его жизнь.

Немцы, вернувшись в траншеи, которые проходили за первой линией редких домов села Лисица, продолжали отчаянно сопротивляться. Через множество коротких рывков ряды красноармейской пехоты были в одном броске от позиций врага. Преодолевая изувеченные взрывами заграждения из колючей проволоки и смяв боевое охранение, которое на совесть проутюжили наши танки и артиллерия, они оказались у переднего края фашистских укреплений. В ход пошли гранаты. До вражеских траншей – считанные метры. Теперь над головой не свистел, а сплошным потоком гудел веер пулеметных очередей. В сырую землю спереди, сзади и по бокам с жутким звуком, разворачивая сырую землю, впивались пули.

Среди грохота, криков красноармейцев и бесконечной стрельбы Дружинин стал слышать и обрывки немецкой речи. Еще один отчаянный бросок – и теперь бой продолжался непосредственно в окопах противника. В ход пошли ножи, штыки, слышались отчаянные крики, мат, выстрелы в упор. Жуткая резня шла не на жизнь, а на смерть. Все это смешалось здесь, в извилинах траншей, где природный инстинкт срабатывал быстрее мысли. Малейшая ошибка, замешательство – и все, смерть! От такого зрелища волосы вставали дыбом.

Слева от Анатолия первым прыгнул в немецкие окопы комбат. Подражая примеру командира, ринулся в укрепления врага и он, оставив на бруствере катушку. Едва его ноги коснулись дна достаточно широкой траншеи, как перед ним возникла огромная фигура немецкого солдата. Глаза матерого фашиста были полны гнева, перекошенный от ярости рот что-то кричал. Только Анатолий неловко попытался отразить вражеский удар, как одним ловким движением немец выбил из рук его оружие, и карабин Дружинина, описав дугу, отлетел в сторону, упав рядом с катушкой.

«Нападать надо было, а не обороняться! Эх ты!..» – прощаясь с жизнью, ругал себя Анатолий. В голове яркими молниями стали пролетать эпизоды наставлений его командиров. Тоцкий лагерь и слова Бондарева: «Если бой идет в траншеях, здесь места для маневра мало, особенно не развернешься, потому и сноровка должна быть особенной, не убьешь ты – убьют тебя!» Крик Артюшина во дворе хаты: «Рот не разевай, боец!» Назидательный окрик комбата перед атакой: «Злости не вижу в твоих глазах, солдат, взбодрись, не на прогулку идем!» Все это в голове промелькнуло так быстро…

От жуткого страха перед смертью Дружинин сжался в комок. Вдавливая голову в плечи, он вдруг увидел, как подскочивший ему на выручку комбат с разворота влепил фрицу в челюсть прикладом своего ППШ. Анатолию даже показалось, что среди шума боя, выстрелов и отчаянных криков он смог услышать, как треснула челюсть немецкого солдата. Дух захватило от произошедшей сцены, но голова заработала яснее, что привело его в то состояние, которое требовалось при таких обстоятельствах. Только Тулепов короткой очередью пристрелил фашиста, как сзади на него навалился другой, и они слились с ним в жестокой схватке. Теперь Анатолий понимал, что ему нужно немедленно спасать своего командира. Одним движением он сбросил с себя телефонный аппарат, но была другая проблема: не было в руках оружия. Тогда он схватил то, что было совсем рядом: маузер фашиста, которого застрелил Тулепов. Сама обстановка, в которой оказался Анатолий, заставила крепко сжать в руках трофейный карабин. Прямо у его ног возникла спина немецкого солдата, нависшая над телом комбата. Страх за жизнь командира породил в душе то остервенение, от которого он, не помня себя, с диким воплем вонзил штык маузера в спину врага. В стенаниях немец обмяк, и Тулепов, скидывая фашиста с себя, как-то выразительно взглянул на Дружинина. Анатолий протянул командиру руку и помог ему встать.

– Все в порядке, солдат! Вперед! – крикнул комбат.

Возбужденный боем Дружинин с трофейным оружием в руках двинулся по траншее впереди командира. Он успел сделать только один выстрел; перезаряжать карабин не было времени. В исступлении Анатолий бил прикладом, колол штык-ножом, что-то кричал, уворачивался от ударов, и теперь ему ничего не мешало: ни телефон, ни катушка. Перед глазами

мелькали искаженные лица в немецких касках, ужас в глазах незнакомых ему людей, и ощущалась какая-то свирепая ярость, которая таилась где-то внутри, а теперь, пробудившись, неустанно двигала им. Дикий нечеловеческий взгляд цеплялся в первую очередь за то, что могло угрожать его жизни. Немыслимый звериный инстинкт подсказывал, как нужно действовать там, где на осмысление своих действий требовались сотые доли секунды. Необыкновенная сила в мышцах была в сотни раз выше той, которой он обладал ранее. Как лев, вырвавшийся из клетки, трофейным оружием он прокладывал себе путь вперед, нещадно круша своего врага.

Не выдержав отчаянного натиска нашей пехоты, немцы отступили. По заранее подготовленным проходам противник спешно покидал первую полосу своей обороны. Не до конца осознавая происходящее, Анатолий рассматривал фашистские траншеи, тут и там заваленные трупами наших и немецких солдат. В этой схватке повезло не всем. Стиснув зубы, он продолжал стоять, сдавливая железной хваткой добытое в бою оружие.

– Боец, очнись! Что с тобой? – окликнул его Артюшин. Слова сержанта вернули его в действительность.

– Все нормально, товарищ сержант. Я в порядке, – откликнулся Дружинин.

– А ты молодец! В этот раз не сробел, – похвалил его командир стрелкового отделения. – Где твой телефон? – спросил он, обращая внимание на связиста, стоящего с немецким карабином в руках. Только теперь Анатолий понял, что где-то далеко от этого места бросил телефон и катушку. Нервно оглядываясь вокруг, он стал искать глазами вверенное ему имущество; немецкие траншеи зигзагами тянулись с юга на север. Наконец в тридцати метрах от себя он увидел Илью. Его напарник, установив оба телефонных аппарата на край траншеи, налаживал связь. Анатолий, переступая через трупы убитых, подошел к товарищу. По дну траншеи в вырытых нишах и наверху валялись предметы прежних обитателей этих рубежей: котелки, ложки, противогазные футляры, каски, оружие с разбитыми ложами и прикладами, бесчисленное количество стреляных гильз. Здесь протекала окопная жизнь немецких солдат.

– Я никак не могу понять!.. И что это ты, Анатолий, таки в атаку пошел?! – возмущенно удивлялся Илья, пожимая плечами. – Мы с тобой, Толя, телефонисты! Наше дело – поддерживать связь! Вот скажи мне: и что я буду делать с двумя телефонами, если тебя ранят или, не дай бог, убьют? – негодовал напарник, разводя в недоумении руками. Его черные навыкате глаза от возмущения стали необыкновенно большими. – Штык свой давай, надо же наконец нулевой провод на твоем аппарате заземлить, – требовал Илья, закручивая на катушку отмотанную ранее лишнюю длину провода.

Выслушивая роптание своего напарника, Анатолий обратил внимание, что в его возмущении совсем отсутствовало чувство гнева или злобы. Скорее наоборот, Илья был озабочен тем, с какой беспечностью Анатолий относился к собственной жизни. И такая забота трогала его до глубины души. Выслушав с улыбкой назидания товарища, Анатолий зачем-то схватился за штык-нож трофейного карабина и тут же одернул руку назад: лезвие ножа было в какой-то неприятной слизи.

– Фу, какая гадость!.. – выругался он, откинув маузер на бруствер траншеи. – Зачем я вообще за него схватился? – возмутился Анатолий, вытирая ладонь о подол шинели. Отстегнув от пояса подаренный Зябликовым штык, он воткнул его в землю у аппарата и занялся своими прямыми обязанностями. Продолжая осматриваться вокруг, Анатолий только теперь по-настоящему пришел в себя, осознавая весь ужас произошедшего. «Не зря там, в Тоцком лагере подготовки, Ломакин привлек меня к тренировкам по рукопашному бою, – подумал Дружинин, – пригодилось!» Неприятный озноб прокатился по телу, отчего заметно стали дрожать руки.

– Закрепиться на позициях!.. – требовал комбат. Раздавая распоряжения, Тулепов бегло прослеживал взглядом исполнение своего приказа. Смуглое лицо старшего лейтенанта напряжено. В узких разрезах карих глаз блестели огоньки. Левый рукав его ватной куртки разре-

зан, очевидно, вражеским штык-ножом. – Командирам взводов доложить о потерях! – кричал Тулепов, продвигаясь по траншее к телефонистам.

На занятой вражеской позиции кипела работа. Среди бойцов и офицеров суетился командир четвертой роты. Размахивая пистолетом, он расставлял людей по позициям. Санитары перевязывали раненых, уводили их в блиндажи. Погибших бойцов укладывали в щелях. Убитых немецких солдат складывали отдельно.

– Ну что, связист, живой? – спросил Анатолия подошедший комбат. – А ты настоящий боец! Воюешь так, как будто всю свою жизнь на фронте пробыл. Молодец! – подмигивая, похвалил его Тулепов. – Только запомни на будущее: твоя первоочередная задача – обеспечивать своего командира связью. Вот что я буду делать, если тебя убьют или тяжело ранят? – смотрел на него комбат искрящимися глазами. Анатолий виновато молчал. Тулепов прекрасно понимал: не окажись рядом Дружинин, кто знает – смог бы он в одиночку справиться с навалившимся на него фашистом?.. – Ладно, это, как я уже сказал, на будущее. А так – молодец, конечно! Сколько немцев убил? Не считал?

– Не знаю, товарищ старший лейтенант, – скромно пожимал плечами Анатолий, не понимая, о каких убитых немцах тот спрашивает. Дружинин в этот момент перекинул через голову свой карабин и взял в руки немецкий маузер, которым несколько мгновений назад крушил врага. Он обратил внимание на две небольшие царапины на прикладе и с недоумением стал их рассматривать.

– Что, не поймешь, отчего бывают такие повреждения на прикладе? – спросил, улыбаясь, комбат.

– Я вот смотрю, они свежие… – заметил Анатолий, разглядывая трофейное оружие.

– Это царапины от немецких касок. Когда фашисту бьешь по зубам прикладом, то приклад, соскакивая, бьется о край его каски. Отсюда на нем и появляются такие отметины, – объяснял Тулепов причину повреждения. Но Анатолий ничего не помнил. Все было как в кошмарном сне. Наверное, мозг специально в таких случаях стирает из памяти страшные картины, чтобы уберечь человека от жутких воспоминаний.

– Странно!.. Я ничего не помню, – удивился Анатолий, пытаясь напрячь память.

– А это и к лучшему! Не помнишь – и дай бог. Лучше будешь спать, поверь мне, – убедил его комбат. – Давай мне Калугу, – требуя связь с командиром полка, Тулепов протянул руку. Анатолий установил на край окопа телефон. Связавшись со штабом, он подал командиру трубку телефонного аппарата. Немцы усилили минометный и артиллерийский обстрел; после нескольких предложений комбат нервно стал повторять: – Алло! Алло!..

Дружинин засуетился – что-то не так…

– Связь давай мне, боец! Связь! – крикнул командир, возвращая трубку.

Анатолий, не задумываясь, положил ее на аппарат и, схватив провод, пополз исправлять повреждение. На перепаханном снарядами поле то там, то здесь лежали мертвые тела наших и немецких солдат. После нескольких упавших впереди снарядов Дружинин, не выпуская из рук провода, продолжал ползти по-пластунски, стараясь быстрее обнаружить обрыв. Пули, посвистывая, как голоса певчих птиц, ложились то справа, то слева, впиваясь в землю.

– Быстрее, быстрее, – торопил себя Анатолий. До своих позиций, откуда началась атака, было еще далеко. Вражеские снаряды стали взрываться реже, и он короткими перебежками вдоль провода двигался дальше по направлению к прежней линии обороны. Телефонный кабель скользил по ладони, оставляя на ней небольшие кусочки раскисшей грязи. Мешала бежать сумка с противогазом, которая при беге со спины смещалась вперед. По правой ноге хлопала саперная лопатка, вызывая желание сбросить с себя весь лишний груз. Недалеко от своих траншей Анатолий обнаружил обрыв. Оглядевшись вокруг, через несколько метров он нашел другой конец провода. Ликвидировав повреждение и убедившись в том, что линия исправна, Анатолий отправился обратно.

Холодало. Багровое солнце опускалось к закату. Промокший, грязный, в копоти Дружинин приближался к окопам, недавно отбитым у врага; теперь их ровняли с землей немецкие минометы и артиллерия. Наши танки, вышедшие с пехотой в атаку, маневрируя в складках местности и за сельскими строениями, вели ответный огонь по немецким позициям. Над траншеями грохот стоял неимоверный. С треском слева разорвался 75-миллиметровый снаряд, лицо обдало жаром, сверху на шинель посыпалась земля. Удушливый запах немецкого тола моментально заполнил траншею. Звонкая россыпь мин, укладываясь в шахматном порядке, противно резала слух. Одна из них шлепнулась совсем рядом, обрызгав его грязью, сбив дыхание тротиловой вонью. Немецкие крупнокалиберные пулеметы долбили короткими очередями, и веер пуль, летевший с вражеской стороны, распахивал землю перед траншеей, пролетал над головой, впивался в бруствер. С трудом пробираясь под шквальным огнем, Анатолий наконец добрался до своего поста. Но увиденное совсем не обрадовало взор. Присыпанный землей телефон, как и прежде, стоял на краю окопа. Попавшая в траншею немецкая мина разворотила его и своим осколком смертельно ранила в голову напарника. Илья с искаженным лицом корчился в судорожных муках.

– Связь! Связь! Давай мне, боец! – пробираясь по траншее, кричал комбат. Дружинин схватил трубку телефона и протянул ее командиру; мучаясь от безысходности, он пытался оказать помощь своему раненому напарнику.

– Огнем дивизионной артиллерии поддержите, товарищ полковник! – просил комбат. – Нам до темноты еще немного продержаться надо. Немцы сейчас в контратаку могут пойти, мы не выдержим, потери большие, – кодовыми словами информировал он командира полка. Через минуту разговор закончился, и комбат, придерживая телефон левой рукой, положил трубку обратно.

Он бросил сумрачный взгляд на Илью, чья перевязанная голова лежала на коленях у Анатолия.

– Ничем ты ему теперь не поможешь, он мучается в предсмертных конвульсиях. Жаль парня. Сколько их, таких, как он, сегодня полегло?.. Порой вечером отправляешь оперативную сводку в штаб полка и представляешь себе, сколько матерей там, в тылу, слезами умоются, когда получат похоронки на своих сыновей. Да так тяжко на душе становится, что самому хоть плачь, – тяжело вздохнув, высказал свою боль Тулепов, – но что поделаешь – это война.

Дружинин аккуратно положил голову Ильи на его шапку, и теперь карие глаза однополчанина безжизненно смотрели куда-то ввысь. Закрыв их своей рукой, комбат повернулся к Анатолию.

– Как зовут тебя, солдат?

– Анатолий.

– А фамилия?

– Дружинин.

– Ну вот, Анатолий Дружинин, радуйся, что ты сегодня живой остался, да еще и не ранен. Не каждому так повезло, как тебе. Цени это, Анатолий, да себя береги. Хотя, если честно сказать, как себя на войне сберечь – не знаю! – пожав плечами, сказал командир. – А тебя за сегодняшний бой надо будет обязательно отметить, – добавил он.

Канонада стала стихать. Тулепов, припав к биноклю, стал внимательно осматривать позиции врага.

– Укрепился фашист хорошо. Основательно… Просто так, с наскока его не возьмешь, – рассуждал комбат, – затих фриц, значит, перегруппировался и сейчас попрет.

Забегая вперед, могу сказать, что не знал тогда Анатолий, да и не мог знать, что через шесть с небольшим месяцев, первого июля сорок четвертого года, отважный комбат погибнет на поле боя, отражая контратаку численно превосходящего противника. А сегодня было еще далеко до июля сорок четвертого, и старший лейтенант принимал решения, исходя из сложив-

шейся на сегодняшний день обстановки. Провожая взглядом командира, Анатолий подметил, как прост в отношениях со своими людьми Тулепов.

С таким трудом занятый рубеж удержать не удалось: уже через час под натиском превосходящих сил противника роте пришлось отойти на прежние позиции.

По роковому стечению обстоятельств Дружинин оказался там, где за двое суток кровопролитных боев его полк потерял более пятидесяти человек убитыми и свыше ста ранеными.

На войне быстро взрослеют

В ожесточенных и изнурительных схватках иссякали и вражеские силы; удары противника ослабевали. Окончательно обескровленные и измотанные атаками наших подразделений, фашистские войска выдыхались. Тяжелые потери вынуждали немецкое командование прекратить контрнаступление. Но отказываться от планов овладеть Киевом противник не собирался, он настойчиво готовился к новому прорыву. Так, к концу ноября, после продолжительных и ожесточенных боев фронт постепенно стабилизировался. Армии Первого Украинского фронта нуждались в пополнении резервами, требовалось создать запасы горючего, боеприпасов, продовольствия. Двадцать восьмого ноября в войска дивизии пришел приказ: «Занять жесткую оборону с задачей: не дать возможности противнику прорыва нашего оборонительного рубежа».

За короткий период линия нашей обороны заметно укрепилась, представляя собой траншеи полного профиля. Пулеметные и стрелковые окопы были связаны между собой ходами сообщений, которые в свою очередь соединялись с опорными пунктами. Боевые порядки умело располагались на местности и были хорошо замаскированы.

Здесь, на передовой, во втором батальоне служил теперь уже малость поднаторевший в сложной фронтовой науке рядовой Анатолий Дружинин. Всему за двенадцать дней боев обучиться невозможно, но, как гласит пословица: «Век живи – век учись». Хотя этого времени хватило, чтобы Дружинин по звуку мог определить, какое оружие врага ведет огонь по их позициям и куда может угодить снаряд или мина. Всех тонкостей, что пришлось познать и чему еще предстоит обучиться, конечно, не описать. Но самое главное, теперь это был не тот необстрелянный в боях новобранец, который чуть больше десяти дней тому назад мало понимал, что ему нужно делать и зачем его сюда привезли. Перенеся на своей шкуре несколько штурмовых атак, артналетов и контратак противника, незаметно для себя Дружинин стал другим человеком. Он научился управлять своими чувствами и держать над собой контроль. Так на фронте формировались характер и воля. Теперь это был заметно возмужавший боец и, как говорится, стреляный воробей. На войне быстро всему учатся и быстро взрослеют.

* * *

В напарниках с Лопатиным Анатолий дежурил на посту уже несколько дней подряд. За этот короткий период они успели привыкнуть друг к другу и подружиться.

Стефан Васильевич Лопатин – худощавый человек среднего роста с сединой на висках и внешностью настоящего воина. Он был на год старше матери Анатолия, потому и отношения у бойцов сложились как у заботливого отца с сыном. Родного отца, трагически погибшего в далеком тридцать первом году, Анатолий смутно, но помнил. Помнил и его похороны, а вот уточнять мелкие детали гибели всегда боялся, опасаясь услышать что-то страшное. Эту жуткую историю во всех подробностях он услышал от матери незадолго до своего отбытия в Тоцкие лагеря. В тот вечер вся семья уже улеглась спать. На улице шел проливной дождь, гремела пугающими раскатами гроза, а извилистые линии ярких молний периодически освещали темное помещение маленькой землянки. Спать совсем не хотелось, и они, лежа в постели, переговаривались между собой, вспоминая различные истории. Вот тогда Анатолий и попросил мать рассказать о том, как и при каких обстоятельствах погиб отец. А дело обстояло так…

После начатой в Казакской АССР коллективизации, дед Сергей испытывать судьбу своей многочисленной семьи не стал. Избегая раскулачивания, он в двадцать девятом году распродал свое немалое хозяйство и большую часть многочисленного скота, распределив запасы продо-

вольствия между сыновьями. Оставив хутор в предместьях Акобы брошенным, он переехал в свой дом, расположенный в Джаныбеке.

Добротный бревенчатый дом с полуподвалом и большим приусадебным участком достался ему, как младшему сыну, от родителей. Перезимовав в доме деда, ранней весной родители Анатолия перебрались на постоянное место жительства в Эльтон. Своего жилья не было, семья вынуждена была снимать две комнаты и ряд хозяйских построек у Козловых. Дом у Козловых был большой, дети их давно разъехались, а хозяйство старики хоть и держали, но не крупное. Катухи и сараи стояли свободные. На подворье у молодой семьи Дружининых были куры, бараны, досталась от раздела крепкого хозяйства деда и молоденькая телочка. Имея при себе оборудование и кузнечный инструмент, отец без особого труда устроился на работу в колхоз, где самостоятельно организовал кузнечный цех. Его в только что образовавшемся коллективном хозяйстве попросту не было. Работы было много; кроме колхозных нужд отец выполнял и частные заказы, имея от этого ремесла дополнительный доход. Не зря говорят: «У кузнеца – что стукнул молотом, то копейка». Семья была достаточно большой: пятеро детей, – но родители справлялись. Уже следующей весной стельная телушка отелилась, и теперь, чтобы излишки молока не портились, требовалась их переработка.

– Ну што, Мари Ванна, почитай, цельный год мы с тобой в Эльтоне прожили́. Уже вон и тёлка наша коровкой стала́. Тяперяча и молочко своё есть. Што, так и будем до соседей бегать молоко сепарировать? Самим, наверное, сепаратор приобретать надыть, ты сама-то как думаешь? – задал вопрос Степан, понимая, что для производства сливок и масла нужен столь необходимый в домашнем хозяйстве аппарат.

– Да, Стяпан Сяргеич, надыть… Всего молока нам не продать, а значит, оно пропадать будет. Жарко уже на дворе, – согласилась с мужем Мария Ивановна, хлопоча возле посуды с молочной продукцией. – Можно, конечно, и у соседей через их сепаратор своё молочко пропущать, вот как сёдня. Так за енто дело тожеть сливки им отдавать надыть. Бесплатно нихто табе инструмент свой использовать не разрешит, – рассуждала по-хозяйски жена, прислушиваясь, не проснулась ли Валентина; самой младшей дочери в семье едва исполнилось два года. Сегодня девчушка что-то раскапризничалась и улеглась спать намного раньше обычного.

– Што ж, тады надыть в Жанбек ехать да покупать. Деньжонок я вроде поднакопил, на сепаратор должно хватить. Заодно можно на базар с собой сметану прихватить да яиц пару десятков. Глядишь, там и детишкам сладенького на енти деньги прикупить можно будет, а то и поменять яйца аль сметану на конфеты да пряники. Пущай детвора порадуется.

– И кады ты ехать тяперяча собрался́?

– Так, завтра у нас суббота?! Как раз базарный день! Вот завтра и надыть ехать. А чаво дело в долгий ящик откладывать? – твердо решил Степан, планируя скорую поездку.

– Ну раз завтра, так завтра, – согласилась супруга. В хозяйских делах она мужу никогда не перечила.

– Тока, пожалуй, схожу я, предупрежу Василя Михалыча, што на субботу мене отлучиться надыть. Тады можно будет и в путь-дорогу, – добавил Степан и, поправив фуражку, вышел во двор. Вечерело. На улице, как обычно, слышалась вечерняя суета села, не умолкал крик и визг играющей детворы, мычал и блеял скот, гремели у колодцев ведра, из хозяйских подворий доносился людской гомон. Теплый воздух весны наполнялся запахами отцветающей сирени, парного молока, дымом горящего кизяка и ароматом вкусно приготовленной пищи. Тихий майский день подходил к концу. Выйдя за двор, Степан поприветствовал соседа, закрыл калитку и направился к заведующему мастерскими отпроситься у него с работы на завтрашний день.

Дома Мария Ивановна принялась собирать мужа в дорогу. Сборы были не особо долгими: в трехлитровый бидончик она переложила сметану и поставила его в оцинкованное ведерко. Пустое пространство в ведре заполнила двумя десятками куриных яиц, аккуратно обвернув их

двумя старенькими полотенцами. На базар все-таки муж едет. Приготовить надо все на завтра заранее. Чтобы продукция не испортилась, она опустила ее на веревке в колодец.

Утро в доме было ранним. Встали с постели еще до рассвета. Необходимо на хозяйстве управиться, да еще вовремя успеть на поезд: он стоит на станции всего пару-тройку минут, опоздаешь – можешь поездку отложить.

– Штой-то мене, Мари Ванна, на душе больно тяжко, – вздохнув через силу, неожиданно заявил муж. Опершись рукой на край стола, он, как это делают по обычаю старики, устало присел на лавку. – Вот прямо так тяжко, што аж ехать расхотелось. Да и сон, как назло, поганый приснился́, – поникшим голосом, сконфуженно добавил Степан.

Бросив свои женские хлопоты, Мария Ивановна подошла к мужу. Выглядел он неважно. Лицо бледное как полотно, обычно горящие огоньками озорные глаза мутны и тоскливы. Таким своего супруга ей видеть еще не приходилось.

– Да ты, Стяпан Сяргеич, никак захворал, на табе прямо лица нету. Сидишь вон как молоко белый, и глаза мутные, как с похмелья, – забеспокоилась Мария Ивановна, глядя на мужа. – Может, ты вчерась простудился на своёй кузне? Там скрозь сквозняки гуляют, а ты возля горна сваво потный день-деньской крутишься. Вот, может, тебе там и продуло?

– Да будя табе!.. Ничаво мене не продуло. Здоровый я! – запротестовал Степан. – Говорю же, на душе паскудно, да и сон нехороший приснился́.

– А што за сон? – озабоченно поинтересовалась супруга.

– Та-а-а так… Ерунда какая-то, – махнув рукой, слабым голосом протянул Степан. – Снится мене, енто уже под утро, што я с Михал Тимафеичем Сушилиным еду вдвоем с Агубы в Жанбек. А едем мы с нём скрозь лиман, – начал свой рассказ Степан, – смотрю я, а лиман-то наш… весь воды до краёв полный! Так нет штоб объехать, а я чрез ево пешим-то напрямик и пошёл. И вот прямо на середине ентова лимана я тонуть начал да водой захлёбываться. Ногами-то пытаюсь дна достать, а его и нету! Тады я стал кричать Михал Тимафеичу: помоги, мол, тону, плыть сил совсем нету! А он, самое главное, руки-то вроде бы как и тянет, а сам всё дальше и дальше от мене отходит. Барахтаюсь я, значит, в воде, захлёбываюсь и чую: хто-то мене ишо и ноги щипает. Глядь вниз-то… А под водой лебеди белые мене за ноги щиплют. Та так больно щиплют! Прям вот до сих пор ногам больно!.. – эмоционально рассказывал Степан, а сам изображал руками, как птицы ему во сне ноги клевали.

Послушала его рассказ Мария Ивановна, и ей самой не по себе стало. Вздохнув, она почувствовала, как по телу пробежала мелкая неприятная дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.